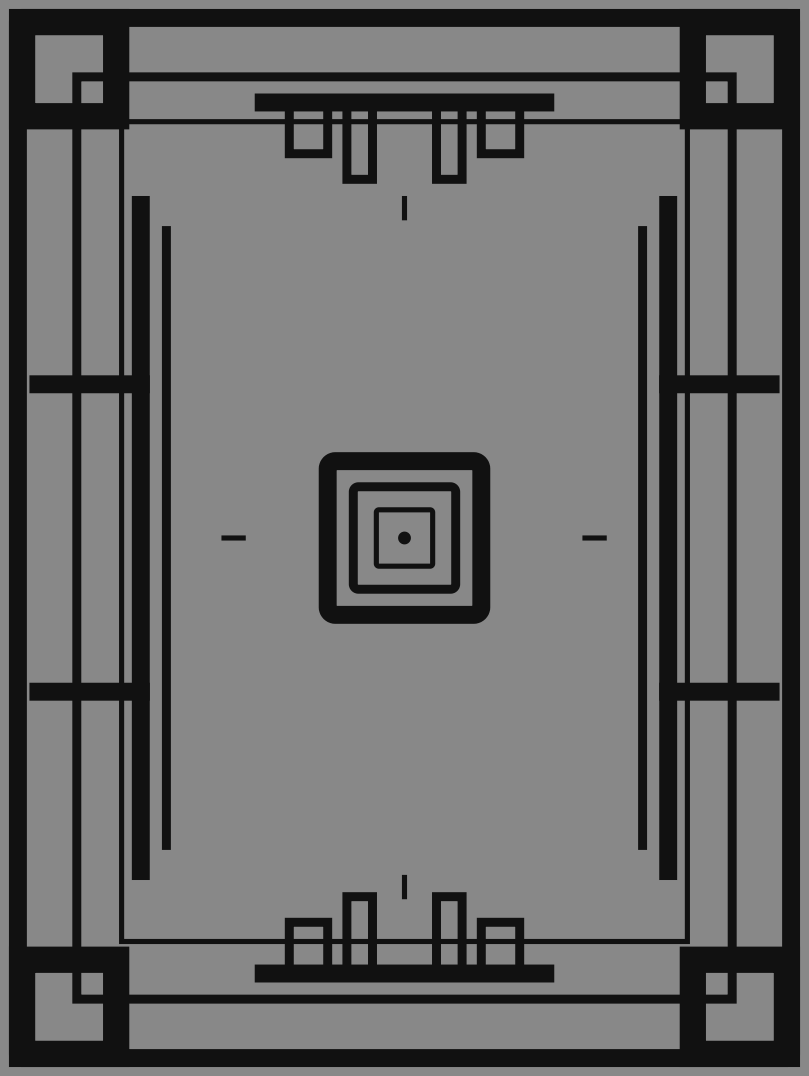

Точка Омега

Джеймс Шмиц, Альфред Элтон Ван Вогт

Аннотация
Ван Вогт Альфред & Шмитц Дж. Точка Омега

Аннотация

Ван Вогт Альфред & Шмитц Дж
Точка Омега

А.Е. Ван Вогт и Дж. Шмитц

Точка Омега

1

Это произошло у автомата с прохладительными напитками. Распрямляясь, Барбара Эллингтон внезапно почувствовала, как что-то мимолетно коснулось её правого плеча. Это было похоже на легкий щелчок, но необычно холодивший кожу.

Она живо, несколько неловко, обернулась и в замешательстве взглянула на стоявшего сзади в нескольких шагах от неё элегантного, без единого волоска на голове, мужчину. Судя по всему, он ожидал своей очереди.

- Ах, это вы, Барбара! Добрый день! - сердечно приветствовал он её.

Барбара, стушевавшись, довольно бессвязно пролепетала:

- Я... я не знала, что за мной кто-то есть. Но я уже закончила, доктор Глоудж!

Прихватив прислоненный к стене кейс, она двинулась вдоль ярко освещенного коридора. Шатенка, высокая, может быть даже слишком, тонкая в талии, с серьезным, атласной кожи лицом, она была не лишена очарования. Но сейчас, пунцовая от смущения, она двигалась скованно, какой-то деревянной и не свойственной ей по-

ходкой. Барбара вполне сознавала это и мучилась вопросом, не смотрит ли ей вслед удивленный её поведением доктор. "И тем не менее что-то меня действительно кольнуло!" - подумала она.

Дойдя до поворота, она искоса, через плечо, посмотрела назад. Доктор Глоудж, утолив жажду, не спеша двигался в противоположном направлении. Никого больше в коридоре не было.

За углом Барбара потрогала то место на плече, куда, как ей показалось, вонзилось тончайшее ледяное жало. Не с доктором ли Глоуджем связано... ну, все то, что произошло? Она раздумывала, насупив брови. Сразу же по поступлении на работу Барбара на две недели попала в его службу. И все это время Генри Глоудж, глава биологической секции Исследовательского центра Альфа, держался неизменно вежливо и даже галантно. Но в то же время он производил впечатление человека холодного, спокойного, замкнутого, целиком ушедшего в науку.

Нет, он решительно был не из тех, кто не прочь позабавиться с какой-то там машинисткой.

И в самом деле, ни о каком розыгрыше речь и не шла.

Еще несколько недель тому назад доктор Генри Глоудж наметил Барбару в качестве одного из

двух "подопытных кроликов" для проведения над ними, в тайне от обоих, эксперимента под названием "Стимуляция. Точка Омега". Доктор тщательно и заранее подготовился к осуществлению своего замысла. Ему удалось, в частности, в отсутствие Барбары установить в её комнате микрофон, который, по его расчетам, должен был оказаться весьма полезным в ходе эксперимента. Только после этого он приступил к поискам контакта с самой девушкой. Заглянув в этих целях в машбюро, он с огорчением узнал, что к тому времени Барбару перевели в другую службу.

Глоудж не рискнул задавать каких-либо вопросов. Он исходил из того, что в случае неудачи никто не должен был даже догадываться о каких бы то ни было его отношениях с ничем не примечательной машинисткой. Биолог считал, что даже при успешном исходе эксперимента его результаты, видимо, разглашать не стоило.

Накладка с переводом Барбары раздражала Глоуджа. И когда после четырех дней бесплодных попыток он неожиданно встретил её в пустынном холле пятого этажа, то расценил это как счастливый для него случай, подарок судьбы.

Он видел, как девушка остановилась перед автоматом с прохладительными напитками.

Глоудж зашел ей за спину. Быстро осмотревшись, нет ли в коридоре посторонних, он выхватил своеобразный шприц-пистолет, "стрелявший" под большим давлением сывороткой "Омега" в газообразном состоянии. Прицелившись в правое плечо Барбары, доктор нажал на спуск. Не успела ещё растаять в воздухе тоненькая дымчатая ниточка от выстрела, как Глоудж уже спрятал свое оружие в специально изготовленный для него кармашек под мышкой и застегнул пиджак.

Тем временем Барбара с кейсом в руках приблизилась к кабинету Джона Хэммонда, специального ассистента директора Исследовательского центра Альфа, расположенного на пятом этаже комплекса лабораторий, который считался самым крупным в мире. Офис Алекса Слоуна, директора Центра, находился на шестом.

Барбара остановилась перед тяжеловесной дверью черного цвета, на которой красовалось имя Джона Хэммонда. Взглядом собственника она посмотрела на табличку с надписью "Служба по связям и научным исследованиям" и, вставив в замочную скважину вытащенный из кейса ключ, повернула его вправо.

Дверь бесшумно открылась, и Барбара вошла в приемную. С легким щелчком язычок замка

встал на место.

В помещении никого не было. На столе Хелен Венделл, секретарши Хэммонда, лежало множество бумаг. Из-за приоткрытой двери в тамбур перед личным кабинетом Хэммонда слышался спокойный голос Хелен.

Прошло всего десять дней, как Барбара поступила в распоряжение Хэммонда, а по существу его секретарши. Помимо повышения в зарплате Барбару прельщали в этом изменении её служебного положения ещё два момента. Во-первых, её заинтриговала загадочная и в чем-то вызывающая беспокойство личность самого Джона Хэммонда. Во-вторых, ей льстило приобщение к секретам Службы, чего - увы! - пока не произошло.

Барбара подошла к столу Хелен Венделл и положила в отдельную корзинку несколько документов из своего кейса. В этот момент ей бросилась в глаза фамилия доктора Глоуджа в сопроводительной записке, приколотой к одной из докладных. Повинуясь порыву - ведь она только что встретила доктора, Барбара подалась вперед и вчиталась.

Хэммонду напоминалось о том, что у него назначена на сегодня на 15 часов 30 минут встреча с доктором Глоуджем для обсуждения проекта

"Омега". Машинально посмотрев на часы, она отметила, что до неё оставалось тридцать пять минут.

Сама же докладная в отличие от документов, с которыми ей до сих пор приходилось иметь дело, была ей понятна, во всяком случае частично. В ней упоминался какой-то биологический проект "Стимуляция. Точка Омега", о котором Барбаре во время работы у Глоуджа слышать не приходилось. Впрочем, в этом не было ничего удивительного, так как биологическая секция была одной из самых крупных в Центре Альфа. Оказалось, прочитала она, что этот проект касался "ускорения эволюционных процессов" у различных видов животных. Единственное, что привлекло её внимание в документе, было упоминание о том, что большое число подопытных погибло.

Неужели великий Джон Хэммонд тратит время на подобную чепуху? Разочарованная Барбара положила докладную обратно в корзинку и прошла в свое собственное бюро.

Пока она отсутствовала, на её столе выросла целая стопка материалов для печатания с приколотой к ним написанной рукой Хелен запиской: "Барбара, документы появились неожиданно, и

их следует отпечатать уже сегодня. Очевидно, потребуется немало часов сверхурочной работы. Если по личным причинам сегодня вечером вы заняты, сообщите мне, чтобы я запросила кого-нибудь из машбюро".

Барбара была уязвлена. В конце концов, это было её бюро и её работа! И она категорически возражала, чтобы кто-то другой выполнял за неё эти обязанности.

К сожалению, именно на сегодняшний вечер у неё было назначено свидание. Но сейчас имело значение лишь одно - не допустить другую машинистку в службу Хэммонда, даже на несколько часов! Решение было принято мгновенно и без колебаний. И все же какое-то время Барбара сидела неподвижно, покусывая губы. В этот момент она была всего лишь женщиной, обдумывающей, каким образом отказаться от встречи с мужчиной, обладающим вспыльчивым характером и полным нетерпения. В конце концов она сняла трубку телефона и набрала номер.

Уже несколько месяцев Барбара связывала свои мечты о будущем с именем Вэнса Стрезера. Он был одним из техников фотолаборатории. Когда тот подошел к телефону, она рассказала ему о сложившемся положении, сокрушенно заявив

в конце: "Я думаю, Вэнс, что мой отказ произвел бы плохое впечатление, учитывая, что я совсем недавно работаю в этой службе".

Она почти физически ощущала, как воспринимает все это Вэнс. Девушка уже давно подметила, что тот пытается установить с ней интимные отношения ещё до свадьбы, но именно этого-то она решила ни в коем случае не допустить.

Когда все же Вэнс внял её доводам, Барбара, с облегчением положив трубку, в порыве нежности к нему подумала: "Я действительно его люблю".

Через мгновение у неё вдруг закружилась голова.

Ощущение было необычным. Оно ни в какое сравнение не шло с привычными ей мигренями. Сначала - ощущение легкого вихря в ней самой и вокруг нее. Затем - необыкновенная легкость и впечатление, что вот-вот она, совсем невесомая, кружась, воспарит ввысь. И почти одновременно с этим - неистовая эйфория и неведомая ей до сих пор глубина чувства комфортности и переполненности силой. Все это длилось не более двадцати секунд и исчезло так же внезапно, как и появилось.

Смущенная и несколько встревоженная, Барбара тем не менее быстро взяла себя в руки.

Подумав, не принять ли таблетку аспирина, она тут же отказалась от этой мысли, так как никаких видимых причин для этого не было. Она прекрасно себя чувствовала: в голове - полная ясность, в теле неуемная энергия.

Она уже приступила к печатанию, когда краем глаза уловила какое-то движение сбоку. Повернув голову, она увидела Джона Хэммонда, неподвижно стоявшего на пороге её небольшого кабинета.

Барбара застыла, как это обычно случалось с ней в присутствии Хэммонда. Затем медленно развернулась к нему лицом.

Хэммонд рассматривал её с задумчивым видом. Это был крупный - под метр восемьдесят, - атлетически сложенный темноволосый мужчина со стальным взглядом серых глаз. Ему было лет под сорок. Но с самого начала работы с ним Барбару поражало не исходившее от него ощущение физической мощи, а сила интеллекта, явственно проступавшая в чертах лица и в глубине глаз. "Вот так, наверное, выглядят настоящие супермены", - уже не в первый раз подумала она.

- С вами все в порядке? - участливо спросил Хэммонд. - Мне показалось, что вы вот-вот упадете с кресла.

Барбаре стало досадно, что кто-то видел её лег-

кое недомогание. Она робко пробормотала:

- Извините, я, наверное, замечталась.

Его взгляд ещё на некоторое время задержался на ней. Потом, покачав головой, Хэммонд повернулся и вышел.

2

После встречи с Барбарой Глоудж быстро спустился на несколько этажей ниже. Он спрятался за грудой ящиков, скопившихся в проходе перед закрытой дверью в подсобку фотолаборатории. Ровно в пятнадцать часов пятнадцать минут открылась другая дверь. Появился молодой сухопарый, угрюмого вида парень с рыжими волосами. Поверх костюма на нем был надет белый, покрытый пятнами халат. Он катил перед собой груженую тачку, направляясь к подсобке.

Вскоре предстояла пересменка. Как Глоудж выяснил заранее, именно в это время дружок машинистки - Винсент Стрезер - всегда появлялся в кладовке, размещая там материалы фотолаборатории.

Доктор следил за парнем сквозь щели в пирамиде ящиков. Он явно нервничал и волновался - не то что в момент введения сыворотки Барбаре. Если бы у Генри Глоуджа была возможность выбора, он ни за что бы не сделал его в пользу

Винсента Стрезера, поскольку этот лаборантишка слыл слишком раздражительным и агрессивным малым. Однако его дружба с Барбарой и их совместное проведение свободного времени были на пользу эксперименту. Так, во всяком случае, рассуждал Глоудж.

Держа в руке под пиджаком свой шприц-пистолет, Глоудж стремительно выскочил вслед Стрезеру...

Еще только нажимая на спуск, доктор понял, какую злую шутку сыграла с ним нервозность.

Кончик иглы оказался слишком далеко - почти на полметра! - от лаборанта. На таком расстоянии даже молниеносный, порядка полутора тысяч километров в час, выброс сыворотки успевал разойтись веером и терял свою скорость. Заряд попал в верхнюю часть лопатки юноши, разорвав кожу и проникнув в мышцы, но укол явно получился болезненным. Подскочив от неожиданности, Стрезер испустил вопль и задрожал всем телом, как при контузии. Глоудж, воспользовавшись его замешательством, все же успел за это время спрятать свое оружие.

На большее времени уже не хватало. Вэнс Стрезер резко обернулся, схватил Глоуджа за грудки и разъяренно уставился на него.

- Вы что, спятили! - зарычал он. - Чем это вы меня ударили? И вообще, кто вы такой, черт побери?

На мгновение Глоудж впал в панику.

- Не понимаю, чего вы тут городите, - наконец выдавил он из себя, прерывисто дыша и пытаясь выскользнуть из могучих объятий Вэнса.

Внезапно он замолчал. Стрезер, глядевший поверх его плеча, почему-то отпустил доктора. Освободившись, Глоудж обернулся и, не веря себе, оцепенел, охваченный ужасом.

На Стрезера и доктора надвигался Джон Хэммонд, устремив на них вопрошающий взгляд. Глоуджу оставалось лишь надеяться, что специальный помощник вошел в помещение после выстрела и посему не заметил его.

- Что здесь происходит, доктор Глоудж? - спросил Хэммонд естественным для него властным тоном.

- Доктор! - изумленно воскликнул Вэнс.

- Этот молодой человек, видимо, полагает, что я его чем-то ударил, ответил Глоудж, стараясь придать своему голосу оттенок удивления и возмущения. - Разумеется, ничего подобного я не делал. И вообще не понимаю, как подобная мысль могла взбрести ему в голову.

Нахмурившись, он посмотрел на Стрезера. Тот в явном замешательстве переводил взгляд с одного на другого. Присутствие Джона Хэммонда и титул Глоуджа смущали его, но не погасили негодования.

- И все-таки меня чем-то ударили по спине, - насупившись, произнес он. - Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление. А когда я обернулся, то он стоял рядом. Я, понятно, подумал, что это сделал он.

- Именно в этот момент я как раз намеревался вас обойти, - поправил Стрезера доктор Глоудж. - Но остановился, услышав, как вы вскрикнули. - Он передернул плечами и, улыбнувшись, продолжал: - Это все, что я сделал, старина! Ну скажите, с какой стати я буду вас ударять?

- Должно быть, я ошибся, - нехотя буркнул Стрезер.

- В таком случае будем считать происшествие простым недоразумением и кончим на этом, - поспешил добавить Глоудж. Он протянул руку Вэнсу, которую тот пожал без всякого энтузиазма, взглянув при этом на Хэммонда. Поскольку специальный ассистент молчал, то Вэнс с явным облегчением повернулся, поднял один из ящиков, лежавших на тачке, и исчез в подсобке.

- Доктор, я как раз шел к вам, - обратился Хэммонд к Глоуджу, - чтобы обсудить проект "Омега". Это займет всего несколько минут. Надеюсь, вы направляетесь к себе?

- Конечно, - поспешил заверить его Глоудж, пристраиваясь за ним. Его все время терзала мысль: "Видел ли что-нибудь Хэммонд?" Однако лицо его спутника было непроницаемым.

Через несколько минут Глоудж сидел за своим столом, повернувшись лицом к Хэммонду, и испытывал неприятное волнение, знакомое преступникам, предстающим перед судом. Он никак не мог понять, почему всегда при контакте с этим дьявольским человеком он чувствовал себя мальчишкой.

Начало разговора тем не менее было спокойным.

- Доктор! Наш разговор носит строго доверительный характер, - заметил Хэммонд. - Я пока не представляю ни Алекса Слоуна, ни тем более Совет управляющих. Так что вы вольны пойти на него или нет. В случае вашего согласия мы могли бы поговорить с полной откровенностью.

- Разве поступили жалобы в отношении моих работ? - осведомился Глоудж.

Хэммонд кивнул:

- Вы не можете не знать этого, доктор. Уже трижды в течение двух месяцев вас просили представить доклад относительно проекта "Омега", причем изложить все подробно и конкретно.

Глоудж с неудовольствием подумал, что придется дать кое-какие уточнения.

- Мое нежелание приводить подробности объясняется строго научными соображениями, - сказал он, стараясь выглядеть искренним. - Эксперименты дали результаты, но их истинное значение я понял совсем недавно.

- Преобладает мнение, что ваш проект терпит крах, - твердо заявил Хэммонд.

- Обвинения, достойные лишь презрения, - сухо возразил Глоудж.

Хэммонд пристально вглядывался в него.

- Против вас лично не было выдвинуто обвинений. Пока не было... Именно поэтому я пришел поговорить с вами неофициально. Вы прекрасно знаете, что вот уже пять месяцев, как от вас не поступило ни одного сообщения об успешном ходе экспериментов.

- Было немало ошибок, господин Хэммонд. В ограниченных рамках нынешней фазы исследований именно этого и следовало ожидать.

- Ограниченных в каком смысле?

- В том, что опыты ведутся только с самыми примитивными и наименее сложными видами животных.

- Но ведь вы сами ввели проект в эти рамки, - вкрадчиво заметил Хэммонд.

- Да, это так, - признал Глоудж. - Выводы, к которым я пришел, работая с низшими видами животных, никакого интереса не представляют. А тот факт, что эксперименты почти неизменно заканчивались негативными результатами, в том смысле, что достигнутые этими подопытными животными эволюционные формы в целом оказались нежизнеспособными, ни о чем не говорит.

- В целом... - подхватил Хэммонд. - Таким образом, вы хотите сказать, что не все особи погибали быстро.

Глоудж прикусил язык. Он абсолютно не собирался признавать это уже в самом начале разговора.

- Значительный процент подопытных перенес первую инъекцию, - нехотя выдавил он из себя.

- А как обстоит дело со второй?

Глоудж заколебался. Однако отступать уже было трудно.

- На этом уровне процент выживших очень

резко падает. Точных цифр я не помню.

- А что происходило после третьего ввода сыворотки?

Теперь уже умолчать было совершенно невозможно.

- На сегодняшний день третью инъекцию перенесли три подопытных животных. Все они относятся к одному и тому же виду "КРИПТОБРАНКУС".

- "МЕНОПОМА" - прошептал Хэммонд. - Хорошо! Но ведь это довольно крупная саламандра. Согласно вашей теории в результате третьей инъекции подопытное животное должно продвинуться в своем эволюционном развитии до того уровня, которого в нормальных условиях оно достигло бы через пятьсот тысяч лет. Не означает ли сказанное вами, что в указанных трех случаях вы добились этого?

- "КРИПТОБРАНКУСЫ" вполне официально считаются видом животных, эволюция которого практически закончилась. Но я бы сказал, что мы добились намного большего.

- И какие же изменения можно было у них заметить?

По мере того как Глоудж, каплю за каплей, раскрывал результаты своих исследований, в

нем росла внутренняя напряженность. Он пытался все время определить тот момент, когда можно было бы избежать ответа на дальнейшие расспросы. Именно сейчас он, как ему представлялось, наступил.

- Господин Хэммонд, - обратился он к собеседнику, стараясь придать своим словам максимум искренности: - Я начинаю понимать, что был не прав, не представив вовремя более позитивных отчетов. Не думаю, что мои теперешние поверхностные ответы вас по-настоящему удовлетворят. Поэтому, может быть, лучше резюмировать для вас результаты моих наблюдений?

Прочитать что-либо в серых глазах Хэммонда было невозможно.

- Хорошо, - ровным голосом согласился он.

И Глоудж начал излагать свои выводы. Вкратце они сводились к следующему. В ходе опытов были получены результаты, которые представляли интерес в двух, возможно одинакового значения, плоскостях.

Во-первых, все исследовавшиеся формы жизни имели перед собой широкий спектр возможных путей эволюции. По пока ещё неясным причинам сыворотка "Омега" стимулировала только одну из линий потенциального развития. Ника-

кое последующее вмешательство уже не могло изменить этого наметившегося мутационного направления. В большинстве случаев процесс заканчивался угасанием вида.

Во-вторых, шанс на выживание увеличивался по мере того, как изучавшаяся форма жизни находилась на более высокой ступени эволюции.

- Не значит ли это, что когда дело дойдет до работы с млекопитающими, ведущими более активный образ жизни, а возможно и с обезьянами, то вы рассчитываете получить более весомые результаты как с качественной, так и с количественной стороны? - заинтересовался Хэммонд.

Глоудж уверенно заявил:

- У меня на этот счет никаких сомнений нет. В ходе эксперимента выявлен также интересный побочный эффект, - продолжал ученый. - Он состоит в том, что участки мозга, контролирующие торможение простых рефлексов, зачастую давали начало новым нервным образованиям и их сенсорным продолжениям. Судя по всему, сыворотка возбуждала эти активные участки, повышая их гибкость. Однако препятствием явилось то, что одностороннее приращение возможностей слишком часто заканчивалось смертью подопытных. В то же время в случае с "КРИПТОБРАНКУСАМИ"

было отмечено появление небольших функциональных жабер в верхней части нёба. Кожный покров утолщался, превращаясь в сегментированный ороговевший панцирь. Развивались небольшие загнутые клыки, связанные с железой, вырабатывающей слабый гемотоксичный яд. Глаза рассасывались, но соответствующий участок кожи приобретал чувствительность к свету. Есть, конечно, и другие изменения, - закончил Глоудж, пожав плечами, - но я рассказал о самых поразительных.

- Да, они действительно выглядят в достаточной степени таковыми. А что стало с двумя животными, которых не вскрывали?

И тут Глоудж понял, что его отвлекающий маневр не удался.

- Они, естественно, получили четвертую инъекцию, - ответил он, смирившись.

- То есть ту, которая должна была побудить их сделать скачок в эволюцию сразу в миллион лет? - спросил Хэммонд.

- Вот именно, довести их до кульминационной точки в наметившейся линии развития. Эквивалент, установленный мною между четырьмя стадиями стимуляции и специфическими периодами нормального эволюционного развития в

двадцать, пятьдесят, пятьсот тысяч и в миллион лет, конечно, является гипотетическим обобщением. Тем не менее мои расчеты показывают, что многие известные коренные виды примерно отвечают такому соответствию.

Хэммонд покачал головой:

- Я понимаю, доктор. И все же, что произошло с "КРИПТОБРАНКУСОМ" после четвертой инъекции?

- Я не могу дать точного ответа на этот вопрос, господин Хэммонд. Внешне это выглядело как очень быстрый распад всей совокупности органических структур. За два часа подопытные животные буквально растворились на глазах, - Глоудж говорил об этом с напряжением в голосе.

- Говоря другими словами, - оценил Хэммонд, - стимулятор "Точка Омега" заводит "КРИПТОБРАНКУСОВ" - а по сути и все другие виды животных, в отношении которых он применялся, - в один из многочисленных тупиков эволюции?

- До настоящего времени именно это и наблюдалось, - лаконично отозвался Глоудж.

- Расскажите-ка ещё вот о чем, - попросил Хэммонд после непродолжительного молчания. - Мне сказали, что вы хотели бы иметь достаточно

квалифицированного в этой области ассистента. Центр, вне всяких сомнений, мог бы добиться того, чтобы сэр Хьюберт Роланд был прикомандирован к столь интересному проекту.

- Я очень уважаю работы сэра Роланда, но тем не менее считаю, что его появление в моей лаборатории было бы нежелательным, - холодно возразил Глоудж. - И я буду препятствовать всем попыткам оказать на меня в этом отношении давление.

- Не будем пока принимать окончательных решений, - примирительно ответил Хэммонд. - Я же сказал, что наш разговор носит абсолютно неофициальный характер. Могли бы вы, доктор, прийти ко мне... скажем, через неделю в десять часов? Я бы хотел поглубже разобраться в этих вопросах, но, к сожалению, все эти дни я буду занят.

Доктор Глоудж с трудом сдерживал ликование. Ведь сегодня была среда. Он выбрал её как время "Х" для своего эксперимента из расчета, что воспользуется уик-эндом, который оба его подопытных проведут вместе, вдали от места работы.

До воскресенья ему, несомненно, удастся сделать вторые инъекции молодой паре. А в бу-

дущую среду они получат и третьи, а может быть, и четвертые. К тому времени либо удастся преодолеть наиболее трудно переносимые реакции, либо эксперимент уже завершится.

Скрывая свое удовлетворение, Глоудж ограничился тем, что тихо сказал:

- Как вам будет угодно, господин Хэммонд. - При этом сделал вид, что идет на уступку.

3

В эту ночь перед очередным этапом операции доктор Генри Глоудж спал крайне тревожно. Его раздирал внутренний конфликт между надеждой и страхом. Какими окажутся первые результаты применения стимулятора "Омега" на людях? В случае провала у него не будет выбора в отношении дальнейших шагов. Даже если его действия могли быть расценены как убийство.

Доктор Глоудж рассматривал такой поворот событий как-то отрешенно, не испытывая особенного волнения. В прошлом ему не раз удавалось тайно ставить довольно смелые опыты, постоянно создавая при этом впечатление, что он строго соблюдает научные принципы. Обогащенный знаниями, полученными в ходе этих никому не известных экспериментов, он мог даже позволить себе комбинировать добытые,

порой интуитивно, результаты с данными более простых исследований.

Он считал, что по своему научному значению проект "Омега" целиком оправдывает применение подобных тайных методов. Если рассматривать вопрос объективно, рассуждал он, в сопоставлении с намеченной высокой целью, то жизнь двух молодых людей, выбранных им на роль "подопытных кроликов", ровно ничего не значила. Их физическое устранение в случае неудачи эксперимента было бы столь же естественным делом, как и в случаях с любым другим животным.

Конечно, тот факт, что опыт ставился над людьми, а не над животными, повышал степень личного риска для него, Глоуджа. Именно это волновало его теперь, когда он уже сделал им первую инъекцию. Не раз в ту ночь он выныривал из своего полного кошмаров полусна только для того, чтобы снова оказаться перед лицом этой мучительной реальности, и затем, выбившись из сил, весь в поту, заново погружался в забытье.

И когда пробило четыре часа, он вскочил на ноги почти с облегчением. Для поднятия духа доктор проглотил несколько порошков сильных стимуляторов. В последний раз проверил свое

снаряжение. Только после этого Глоудж покинул квартиру, за рулем специально экипированного для его целей фургона черного цвета направляясь к семейному пансионату, где проживала мисс Эллингтон.

К четверти шестого утра он прибыл к месту назначения. Барбара жила на обрамленной деревьями авеню, в старом квартале города, предназначенном для резиденций, в восьмидесяти километрах к западу от комплекса Альфа. Не доезжая двухсот метров до её дома, доктор припарковал фургон к противоположной стороне улицы и выключил мотор.

Готовясь к этой стадии эксперимента, Глоудж ещё на прошлой неделе заложил в тайник под корой одной из смоковниц у дома Барбары миниатюрную записывающую головку, соединенную с микрофоном в её спальне. При этом выступавшая наружу часть этого устройства была умело закамуфлирована им под ржавый гвоздь. Вынув из перчаточника в кабине своего грузовичка магнитофон, Глоудж вставил в ухо телефончик и включил контакт.

Покрутив с полминуты регулятор громкости, он побледнел. На прошлой неделе ночью он дважды проводил проверку своей закладки. Микрофоны

оказались настолько чувствительными, что улавливали даже дыхание и биение сердца любого находившегося в помещении человека. Поэтому сейчас у Глоуджа была абсолютная уверенность в том, что ни одного живого человека в комнате Барбары не было.

Он лихорадочно перемотал пленку магнитофона на запись, сделанную час назад, и с облегчением вздохнул.

В тот момент Барбара Эллингтон была у себя. Отчетливо прослушивались её спокойное и ровное дыхание, сильные с замедленными интервалами толчки сердца. Доктор Глоудж слишком часто имел дело с аналогичными записями при экспериментах над животными, чтобы ничуть не сомневаться в том, что эта подопытная первую фазу проекта "Стимуляция. Точка Омега" перенесла успешно и без каких-либо осложнений.

Это радостное известие после тягостных ночных кошмаров чрезвычайно разволновало доктора. Чтобы прийти в себя, ему потребовалось несколько минут. После нескольких попыток он сумел, наконец, выделить в записи тот момент, когда Барбара, как это было очевидно, проснулась и принялась ходить по комнате. Глоудж слушал эти звуки, как зачарованный. Времена-

ми ему казалось, что он и в самом деле видит девушку, точно знает, что она сейчас делает. Так, он ясно различил, что на несколько секунд она как бы замерла, затем радостно и приглушенно рассмеялась. Это заставило ученого вздрогнуть от восторга. Через минуту громко захлопнулась дверь, и в комнате девушки воцарилась та самая пустая мертвящая тишина, которая так неприятно поразила его в начале прослушивания.

В тот четверг Барбара Эллингтон проснулась с мыслью, которая никогда ранее не приходила ей в голову: "К жизни не следует относиться всерьез".

Удивленная Барбара все ещё продолжала раздумывать над этим неожиданным для неё постулатом, как откуда-то вынырнул ещё один абсолютно не типичный для неё вопрос: "Что же это за извращенная сила, которая толкает меня быть рабыней мужчины?"

Эта мысль показалась ей естественной и абсолютно очевидной. Она не означала, что надо вообще порвать с мужчинами. Барбара по-прежнему любила Вэнса, во всяком случае она так считала, но любила его... по-другому.

Вспомнив о Вэнсе, она улыбнулась. Быстро и цепко оглядев комнату, она поняла, что просну-

лась сегодня на два часа раньше, чем обычно. Лучи солнца пробивались в окна почти горизонтально. До этого утра она считала, что лишать себя хотя бы малой частицы драгоценного сна - это просто ужасно.

А сейчас ей вдруг подумалось: "Почему бы не позвонить Вэнсу? Мы могли бы чудесно прокатиться на машине ещё до работы..."

Она уже протянула руку к телефону, но, подумав, отказалась от своего намерения. Пусть, бедняжка, поспит ещё немного!

Она оделась быстро, но почему-то более тщательно, чем это делала раньше. Взглянув на себя в зеркало, Барбара отметила, что выглядит привлекательней, чем считала себя до сих пор.

"И даже намного привлекательней", - поправила она себя через секунду. Заинтересованная и несколько смущенная этим открытием, она вернулась к зеркалу и принялась изучать свое отражение. Да, это было её, столь знакомое Барбаре, лицо. Но в то же время оно было и каким-то иным, не свойственным ей, лучезарным. И снова в её голове промелькнула свежая мысль. От неё устремленные на Барбару из глубины зеркала сиявшие глаза, казалось, расширились.

"Но я же выгляжу раза в два жизнерадостнее,

чем прежде!"

Это её поразило... доставило удовольствие... а затем заставило задуматься: "Интересно, с какой это стати?"

Ее изображение в зеркале слегка нахмурилось, но затем беззаботно расхохоталось.

В Барбаре произошли изменения. Чудесные, ещё не закончившиеся. В глубине её существа что-то трепетало от накатывавшихся на окраины сознания могучих и неведомых сил. Пробудилось любопытство - что же все-таки происходит? Но оно оказалось легким и игривым, а не навязчивым и вызывающим беспокойство.

"Когда захочу, тогда и УЗНАЮ", - сказала она самой себе, и любопытство сразу же улетучилось.

"Ну а теперь..." - девушка ещё раз оглядела свою комнатку. Уже больше года она служила ей приютом, пристанищем, убежищем. Но сейчас Барбара в этом не нуждалась. Сегодня её не удержать в четырех стенах!

Улыбнувшись, она приняла решение: "Пойду разбужу Вэнса".

Ей пришлось пять раз нажать на кнопку звонка, прежде чем она услышала, как Вэнс задвигался.

- Кто там? - наконец хрипло, еле ворочая языком, спросил он.

Барбара смешливо крикнула:

- Это я!

- Боже мой!

Послышался звук отодвигаемого засова, и дверь открылась. Вэнс уставился на свою гостью заспанными глазами. Поверх пижамы на нем был накинут домашний халат. Его угловатое лицо было багровым, а рыжие волосы торчали в разные стороны.

- И что это ты заявилась в такую рань? - изумился он, впуская Барбару. - Ведь всего лишь половина шестого!

- Какое сегодня чудесное утро! Я не могла позволить себе и дальше валяться в постели. Мне захотелось зайти за тобой, чтобы прогуляться вдвоем до работы.

Вэнс прикрыл дверь и, помаргивая, окинул Барбару недоверчивым взглядом.

- Прогуляться! - повторил он.

- Вэнс! Ты что, плохо себя чувствуешь? Судя по виду, ты температуришь.

Вэнс отрицательно покачал головой:

- Нет, не думаю. Хотя, с другой стороны, я не совсем в форме. Садись. Хочешь кофе?

- Не так чтобы очень. Но если хочешь, мигом приготовлю.

- Не стоит. Меня подташнивает.

Он сел на диван в небольшой гостиной, вытащил сигарету из кармана халата, зажег её и, затянувшись, скорчил гримасу.

- Фу! Какая мерзость! - Нахмурив лоб, он в упор посмотрел на Барбару. - Ты знаешь, вчера произошла какая-то чертовщина. И я не уверен, что...

Он явно колебался.

- Так в чем же ты не уверен, Вэнс?

- ...чувствую себя сегодня развалиной не по причине того, что приключилось вчера. - Он помолчал, снова покачал головой и прошептал: - От всего этого можно спятить. Ты же знаешь этого доктора Глоуджа? Ты работала у него вначале.

В голове у Барбары неожиданно высветился целый участок. Выслушивая историю Вэнса, она наперед знала её конец, за исключением лишь факта вмешательства Джона Хэммонда.

Этот инцидент вписывался во что-то, носящее гораздо более глобальный характер...

"До чего же смел этот прохвост Глоудж, - подумалось ей. - То, что он делает, это безумие, сенсация, это вызывает ужас!"

Ее охватило сильнейшее возбуждение.

В памяти сразу же всплыл текст документа, лежавшего вчера на столе Хелен Венделл, отчет-

ливо припомнилось каждое слово. Но разве дело было только в словах!

Теперь она все ПОНЯЛА, разгадала их смысл, увидела последствия и те возможности, которые открывались перед... ней и Вэнсом.

Неожиданно возникло другое чувство - острой недоверчивости...

Где-то тут притаилась опасность! Джон Хэммонд... Хелен... Сотни мелких, незаметно откладывавшихся ранее в памяти деталей, внезапно свелись в единую картину. Все стало на место, но одновременно возникла и тревога. "В этом есть что-то сверхъестественное", - подумала она в замешательстве.

Кто такие вообще Хэммонд и Хелен? Чем они занимаются? По многим параметрам они совершенно не вписывались в рамки такой организации, как Исследовательский центр Альфа. Но, судя по всему, они полностью его контролировали.

И дело было даже не в том, что это имело какое-то значение в ближайшем будущем. Теперь Барбара была твердо уверена в том, что как Хэммонд, так и Хелен выступают против той цели, которую поставил перед собой доктор Глоудж, предпринимая эксперимент "Стимуляция. Точ-

ка Омега". И если это им будет по силам, то оба непременно попытаются сорвать его.

"Нет, они не посмеют сделать этого", - подумала она про себя.

Глоудж занимался правым делом. Каждая клеточка её тела звучала победной песней, утверждавшей эту истину. Необходимо было принять меры к тому, чтобы план Глоуджа удался.

Но ей следовало проявлять осторожность и действовать быстро! Как же невероятно не повезло доктору, что Джон Хэммонд появился как раз в тот же момент, когда Глоудж делал Вэнсу первую инъекцию.

- Как ты считаешь, может быть, мне следует сообщить об этом инциденте? - спросил Вэнс.

- А не кажется ли тебе, что ты будешь глупо выглядеть, если окажется, что ты подхватил банальный грипп? - с легкостью отозвалась Барбара.

- Да-а-а, пожалуй... - Вэнс, видимо, колебался.

- Что ты чувствуешь, помимо дурноты?

Он описал ей симптомы, которые не так уж отличались от тех, которые испытывала она сама. Ведь Барбара тоже неважно себя чувствовала вчера перед сном. Просто начальный период реакции на сыворотку у Вэнса оказался более

продолжительным и сопровождался более неприятными ощущениями, чем у нее.

Барбаре захотелось его успокоить. Но она посчитала неосторожным сообщить ему то, что ей открылось. Пока он не преодолеет это физическое недомогание, подобная информация может серьезно его разволновать.

- Послушай, Вэнс, - настойчиво обратилась к нему Барбара. - Сегодня до вечера ты не работаешь. Поэтому лучше тебе поспать ещё несколько часов. Если дела ухудшатся и ты захочешь, чтобы я отвезла тебя к врачу, позвони мне. Я тут же приеду. В противном случае я позвоню тебе в десять часов.

Вэнс сразу же согласился с этим:

- Да, я действительно здорово выбит из колеи. Именно в этом все дело. Сейчас же лягу, но не в кровать, а на диван.

Чуть позже, покинув Вэнса, Барбара быстро переключилась в своих мыслях на другое. Она уже обдумывала способ увидеть доктора Глоуджа сегодня же.

Глоудж искал место для парковки машины, когда неожиданно заметил Барбару, выходившую из дома Вэнса Стрезера и намеревавшуюся пересечь улицу в сотне метров от него. Он резко

затормозил и вклинился между двумя стоявшими вдоль тротуара автомашинами. Он застыл за рулем, прерывисто дыша при мысли о том, что его едва не засекли.

Барбара остановилась, взглянула было в сторону совершавшего маневр фургона, но затем спокойно продолжила свой путь. Наблюдая, как она, гордо выпрямившись, легко и раскованно шагает, Глоудж вспомнил, насколько его поразила вчера напряженная и нескладная походка Барбары. Он почувствовал, что его последние сомнения улетучились.

Именно испытанием на людях докажет свою эффективность проект "Стимуляция. Точка Омега".

Глоудж сожалел сейчас только об одном: почему он не прибыл десятью минутами раньше. Было очевидно, что Барбара приходила навестить Вэнса и была вместе с ним вплоть до настоящего момента. Если бы доктор застал их вместе, он смог бы провести сравнительное изучение реакции на сыворотку сразу у обоих...

Но эти мысли ни в чем, однако, не умеряли возбуждения, от которого доктора бросало в дрожь. Он проследил, как удалялось коричневого цвета авто Барбары. Когда машина исчезла из

виду, доктор завел мотор, припарковал фургон в тупике за домом Вэнса, а затем проник в него. Доктор намеревался тщательно ознакомиться с физическим состоянием Стрезера.

Через несколько минут Глоудж уже наблюдал, как стрелка индикатора в небольшом приборе в его руке продвигается к нулю. Как только она его достигла, доктор снял маску, закрывавшую ему нос и рот, и наклонился над Вэнсом, растянувшимся на диване в гостиной.

Внешне молодой человек выглядел намного хуже, чем он ожидал. Конечно, воспаленное лицо и налитые кровью глаза можно было отнести за счет паралитического газа, который Глоудж запустил в квартиру через полуоткрытую заднюю дверь. Но имелись и другие вызывавшие беспокойство симптомы: высокое давление, расширенные кровеносные сосуды, бледность покровов. По сравнению с бьющей через край энергией Барбары и её жизнерадостностью Вэнс выглядел удручающе.

И тем не менее он выжил после первой инъекции.

Глоудж выпрямился, в последний раз взглянул на неподвижно лежащего Вэнса и пошел закрывать окно, которое он распахнул через

минуту после того, как заполнил комнату газом мгновенного действия. К этому времени тот уже выветрился. Его действие на Вэнса продлится ещё примерно с час, и, когда подопытный проснется, ничто не даст ему оснований считать, что после ухода Барбары Эллингтон в комнате что-то происходило.

Завтра Глоудж вернется и сделает Стрезеру вторую инъекцию.

По пути к своему фургончику он пришел к решению о необходимости проследить за действием сыворотки на обоих подопытных вечером этого же дня.

Его переполняла уверенность в себе. По мнению доктора, прежде чем кто-либо заметит, что эксперимент ведется над людьми, тот уже подойдет к своему завершению.

4

Когда раздался сигнал, Хэммонд брился в ванной своей квартиры, расположенной сразу же за его рабочим кабинетом. Он застыл на мгновение, медленно положил бритву и нажал на кнопку скрытого в стене интерфона.

- Слушаю вас, Джон, - раздался голос Хелен.

- Кто сейчас вошел?

- Это... была Барбара, - ответила удивленная

Хелен. - Чем вызван ваш вопрос?

- Биоиндикатор только что зафиксировал уровень выше шести.

- В отношении БАРБАРЫ! - с недоверием воскликнула Хелен.

- В отношении кого-то. Попросите прислать кого-нибудь из секции спецтехники проверить состояние аппаратуры. Входил ли в помещение ещё кто-нибудь, кроме Барбары?

- Нет.

- Ладно. Пусть посмотрят биоиндикатор. - Хэммонд выключил интерфон и продолжал бриться.

Чуть позже в кабинете Барбары раздался звонок вызова к шефу. Это означало, что ей предстояло стенографировать. Направляясь к Хэммонду с блокнотом в руках, Барбара с любопытством подумала, заметит ли тот перемену в ней. Однако гораздо более важной ей представлялась возможность ближе приглядеться к этому странному и всемогущему человеку.

Когда она вошла в кабинет, Хэммонд указал ей на кресло, приглашая сесть. Но что-то в его поведении насторожило девушку.

- Простите, господин Хэммонд, - сказала Барбара, сделав извиняющийся жест. - Я сейчас вернусь.

Она выскочила из кабинета и ринулась в дамскую комнату, выходившую в холл. Как только за ней захлопнулась дверь, Барбара закрыла глаза и попыталась точно воспроизвести то ощущение, которое охватило её в момент, когда она почувствовала наличие... какого-то неизвестного ей феномена.

"Это исходило не от Хэммонда", - пришла она к выводу. Он указал ей на кресло, и именно от последнего исходило нечто вроде мощного потока энергии.

По-прежнему стоя с закрытыми глазами, она подвергла анализу саму себя, стремясь установить, на что в ней подействовало это излучение. Судя по всему, это был вполне определенный участок её мозга, который реагировал всякий раз одинаково при воспоминании о том, как она готовилась занять место в кресле.

Она не понимала характера этого явления, но твердо сказала себе: "Теперь, когда мне стало об этом известно, я в состоянии ему воспротивиться".

Успокоившись, она вернулась в кабинет Хэммонда, спокойно уселась в кресло и улыбнулась шефу, который восседал за громадным столом из сверкавшего черного дерева.

- Извините меня, пожалуйста. Я готова.

В течение последующего получаса лишь малая часть её мозга была занята тем, что она стенографировала. Одновременно шло яростное противостояние остальной части её разума потокам энергии, которые ритмично, волнами, исходили из кресла. Барбара постепенно все более отчетливо осознавала, что это была настоящая баталия.

Теперь она твердо убедилась в том, что какой-то нервный центр в её мозгу реагирует на гипнотическое внушение. Поэтому, когда Хэммонд внезапно приказал: "Закройте глаза, Барбара", она немедленно повиновалась.

- Поднимите правую руку, - скомандовал Хэммонд.

Рука машинистки, державшая карандаш, тут же вздернулась в воздух.

Затем Хэммонд распорядился положить руку на колени и в быстрой последовательности подверг девушку испытанию на различные тесты. Барбара поняла, что они-то и были самым важным элементом проверки.

Но гораздо больше её занимал тот факт, что она могла позволять той части мозга, которая подвергалась воздействию гипноза, выполнять

команды Хэммонда, заставляя двигаться по его указанию те или иные части своего тела, сохраняя при этом контроль за собой. Так, когда тот приказал её руке стать нечувствительной и, внезапно нагнувшись, уколол иголкой, Барбара не испытала никакой боли, то есть была к ней невосприимчива.

Хэммонд, видимо, был удовлетворен. Вернув ей обычную чувствительность, он произнес:

- А теперь я прикажу вам забыть о тех тестах, которые я применял. В то же время вы остаетесь полностью подчиненной моей воле и будете откровенно отвечать на все те вопросы, которые я задам. Понятно?

- Да, господин Хэммонд.

- Отлично. А теперь выбросьте из головы все, о чем мы говорили и что делали с того момента, как я приказал закрыть глаза. Откроете их только тогда, когда ваши воспоминания полностью сотрутся из памяти.

Барбара выждала десять секунд. "Что так скоро вызвало у него подозрения? - терзалась она. - И почему это так его беспокоит?" Она отбросила пришедшую было ей в голову мысль о том, что, сама того не ведая, едва не раскрыла какую-то часть секретной деятельности, нити которой

сходились в этом кабинете. До этого она никогда не слышала о гипнотических креслах.

Барбара открыла глаза, притворно покачнулась и сделала вид, что быстро справилась с недомоганием.

- Извините, господин Хэммонд.

В серых глазах Хэммонда застыла обманчивая сердечность.

- Такое впечатление, что сегодня утром у вас возникли какие-то проблемы, Барбара.

- Я чувствую себя превосходно, - возразила она.

Хэммонд продолжал вкрадчивым голосом:

- Если что-нибудь недавно изменилось в вашей жизни, Барбара, я хочу, чтобы вы мне об этом рассказали.

За этой фразой последовал целый букет вопросов, касавшихся всей прошлой жизни Барбары. Девушка непринужденно отвечала. Без сомнения, ей в конце концов удалось убедить Хэммонда, так как вскоре тот вежливо её поблагодарил и отослал печатать надиктованное.

Устроившись через некоторое время за пишущей машинкой, Барбара через стеклянную дверь заметила, как в кабинет Хэммонда направилась Хелен.

- В течение всего разговора, - сообщил Хэммонд

вошедшей Хелен, биоиндикатор прочно указывал на восемь и четыре. Это выше гипнотического уровня. Но мне она ничего не сказала.

- Интересно, а какой уровень у меня?

Хэммонд посмотрел на прибор в правом от него выдвижном ящике стола.

- Как обычно: одиннадцать и три.

- А ваш индекс?

- Тоже нормальный - двенадцать и семь.

- Может быть, неполадки лишь в той части аппаратуры, которая сориентирована на определение среднего уровня, - заметила Хелен. Затем добавила: - Сотрудник секции спецтехники придет с проверкой после окончания рабочего дня. Это вас устраивает?

Хэммонд явно колебался, но вынужден был согласиться с тем, что у него, в сущности, не было оснований нарушать действующие правила безопасности.

Во время обеденного перерыва Барбара опять на короткое время почувствовала себя неважно, но на сей раз она была настороже. Вместо того, чтобы дожидаться, когда недомогание пройдет само собой, она принялась анализировать все нюансы его проявления.

Она чувствовала, что в ней бушует какое-то

внутреннее движение. Между различными частями её тела происходил обмен частицами энергии. При этом особая область в её мозгу, видимо, координировала эти перемещения.

Как только внутренние импульсы прекратились - а они исчезли столь же внезапно, как и появились, - Барбара подумала: "Это было не просто какое-то изменение. За эту минуту я определенным образом продвинулась в своей эволюции".

Застыв над тарелкой, она попыталась разобраться в характере этих перемен. Но безуспешно.

Тем не менее она чувствовала себя удовлетворенной. Сначала у Барбары возникло стремление уже в течение этого дня попытаться разыскать доктора Глоуджа в надежде на вторую инъекцию. Но, подумав, она решила, что пока этого делать не следует, так как было очевидно, что изменения, происходившие в результате первой инъекции, ещё полностью не завершились.

И Барбара вновь направилась в свою "Службу по связям и научным исследованиям".

Когда раздался звонок, извещавший о её возвращении, Хэммонд наклонился и посмотрел на показания биоиндикатора. Какое-то время

он продолжал задумчиво созерцать его, затем вызвал Хелен Венделл.

- Барбара достигла коэффициента девять и две, - спокойно заявил он ей.

- Вы хотите сказать, что он возрос? - Она улыбнулась: - Ну теперь-то уж ясно: дело явно в самом приборе.

- Что дает вам основание так считать? - спросил Хэммонд необычно неуверенным для него голосом.

- При всем моем опыте я никогда не встречалась со случаями возрастания показателя у кого бы то ни было. Наоборот, по мере старения организма коэффициент у людей медленно уменьшается. Но...

Она смолкла. Лицо её шефа вновь обрело былое спокойствие. После небольшой паузы Хэммонд прошептал:

- И все же риск недопустим. Хочу побыть с ней сегодня вечером. Вы не возражаете?

- Как это ни досадно, но вы совершенно правы!

- Я подвергну её внушению на уровне двенадцать и выше. Причем она никогда и не узнает, что с ней случилось.

5

С наступлением ночи доктор Генри Глоудж

был уже у дома Барбары. Не теряя времени, он включил "шпиончика", заделанного в дерево, и отрегулировал силу звука.

После того как в течение тридцати секунд аппарат не издал ни единого звука, доктор нахмурился. "Неужто повторится то же самое, что сегодня утром, - проворчал он про себя. - Может быть, она отправилась навестить своего дружка?" Доктор устало вздохнул, завел мотор и повел фургон к улице, где проживал Вэнс.

Остановившись у тротуара напротив дома, он быстро установил, что Вэнс у себя. Но один.

Молодой человек не спал и находился в прескверном настроении. Глоудж слышал, как тот сорвал трубку телефона и набрал номер, несомненно Барбары, поскольку вскоре в сердцах бросил трубку на рычаг и пробормотал:

- Она ведь знает, что я работаю сегодня в ночь! Куда же она запропастилась?

Тот же самый вопрос все сильнее беспокоил и Глоуджа по мере того, как проходило время. Он вернулся в квартал, где в семейном пансионате проживала Барбара. В её квартире до одиннадцати часов периодически тренькал телефон, что говорило о настойчивости Вэнса.

После того как в течение часа звонки не воз-

обновлялись, Глоудж сделал вывод, что Стрезер отправился на работу. Но это нужно было проверить, и он проделал на машине прежний путь, но в обратном направлении. В комнате рыжеволосого стояла тишина. Успокоившись на его счет, доктор развернулся и снова заступил на дежурство напротив дома Барбары.

Только теперь Глоудж почувствовал, как устал. Он поставил аппарат в режим, при котором после возвращения девушки должен был раздаться предупреждающий его сигнал, проскользнул в заднюю часть фургона и, растянувшись на узкой лавке, медленно забылся глубоким сном.

За несколько часов до этих событий Барбара находилась в своем кабинете.

Незадолго до окончания рабочего дня с ней опять сделалось дурно, и она чуть не упала в обморок.

Разволновавшись, она направилась к Хелен Венделл, чтобы сообщить ей о своем недомогании. При этом она даже не подумала о том, насколько логично было просить помощи у секретарши Хэммонда.

Хелен проявила участие и поспешила провести Барбару к Джону Хэммонду. Девушка, которая к этому времени вновь несколько раз ненадолго

"отключалась", была признательна шефу за то, что тот предложил ей отдохнуть в роскошном салоне, примыкавшем к его кабинету. Он назвал его "комнатой для моих друзей".

Она разделась, скользнула под простыни и быстро заснула. Хитроумная ловушка захлопнулась.

Весь вечер Хэммонд и Хелен Венделл по очереди сменялись у её изголовья.

В полночь сотрудник службы спецтехники установил, что биоиндикатор работает исправно. Он прозондировал спящую девушку и сообщил:

- Получился коэффициент девять и две. Кто это? Из вновь прибывших?

Молчание в ответ на его вопрос привело техника в изумление.

- В чем дело? Неужели это жительница Земли? - прошептал он.

- По крайней мере, она не поднялась ещё на одну ступень, - заметила Хелен Венделл после того, как сотрудник отдела спецтехники удалился.

- Жаль, что её коэффициент выше гипнотического уровня, - сказал Хэммонд. - Подвергать её сейчас простому внушению, в сущности, бесполезно.

- Что будем делать?

Незадолго до наступления утра Хэммонд наконец принял решение.

- Коэффициент девять и две не представляет для нас реальной опасности. Поэтому ограничимся пока самыми рутинными мерами. Не будем, однако, забывать о том, что кто-то, возможно, предпринимает действия, о которых нам ничего не известно. Не исключено, что придется при необходимости применить к ней и некоторые методы сверхчувствительного воздействия.

- Здесь? В Центре Альфа?

Хэммонд задумчиво посмотрел на свою очаровательную секретаршу-помощника. Обычно он доверял реакции Хелен в этой области.

Она, очевидно, догадалась, о чем он подумал, поскольку поспешила добавить:

- В последний раз, когда мы прибегали к сверхчувствительным методам, около тысячи восьмисот землян оказались в одной с нами фазе. Конечно, они посчитали тогда, что у них просто разыгралось воображение, но некоторые обменялись своими наблюдениями. В течение нескольких недель над этим все потешались, но нам едва-едва удалось избежать разглашения исключительно важных сведений.

- Да-а-а... справедливое замечание. В таком слу-

чае ограничимся тем, что будем продолжать за ней наблюдение.

- Согласна. Тогда я сейчас разбужу её.

Вернувшись к себе в кабинет, Барбара тут же позвонила Вэнсу. Никто не отвечал. Ничего удивительного в этом не было, так как если он проработал всю ночь, то должен был спать сейчас, как сурок. Барбара положила трубку и позвонила в фотолабораторию. Когда ей сказали, что Вэнс отметился в списке ночной смены, а сейчас ушел с работы, у неё полегчало на душе.

К Хэммонду и Хелен Венделл она испытывала чувство большой благодарности за проявленную ими доброжелательность. В то же время она в чем-то и винила себя. Она подозревала, что эти нелады с самочувствием также были связаны с инъекцией, сделанной ей Глоуджем.

Беспокоило то, что все это проявлялось столь БУРНО. "Но сейчас-то мне уже совсем хорошо", - успокаивала она себя, печатая груду бумаг, которые Хелен Венделл набросала в её корзину. В голове Барбары бродило множество планов и проектов. В десять часов Хелен вызвала её и, как обычно, вручила кейс, набитый разными документами.

В это время...

Глоудж проснулся чуть позже семи часов. Барбары все ещё не было дома. Полный недоумения, он побрился электрической бритвой и позавтракал в соседнем баре. Подкрепившись, доктор поехал к дому Стрезера. Убедившись, что молодой человек у себя, Глоудж зарядил свой шприц-пистолет и пробрался в помещение.

Вэнс, как и в прошлый раз, валялся в пижаме на диване в гостиной. Выражение его лица было ещё более угрюмым, чем накануне, если таковое вообще было возможным.

Стоя со шприцем в руках, Глоудж колебался. Этот подопытный его явно беспокоил. Но в том положении, в котором биолог оказался, отступать уже было нельзя. Успокоившись, он привел в действие механизм выброса газообразной сыворотки. На этот раз игла почти коснулась тела молодого человека.

Сколько-нибудь заметной реакции со стороны Вэнса не последовало.

Глоудж вышел на улицу. Направляясь в Исследовательский центр, он думал о Барбаре. Жаль, что она отсутствовала. Он так надеялся сделать инъекцию своим обоим подопытным практически одновременно. Очевидно, этого не получится.

6

Доктор Глоудж находился в своем кабинете всего несколько минут, когда раздался телефонный звонок. Дверь не была закрыта, и он услышал разговор своей секретарши. Та взглянула в его сторону:

- Вас кто-то спрашивает, доктор Глоудж. Это машинистка, которая некоторое время работала у нас... Барбара Эллингтон.

Секретарша, видимо, расценила изумленное выражение на лице Глоуджа как отказ, поскольку тут же торопливо добавила:

- Следует ли ей ответить, что вас нет?

Глоудж весь дрожал от неуверенности.

- Нет, не стоит, - сказал он. Затем, чуть помолчав, добавил: Соедините меня с ней.

Когда доктор услышал в телефонной трубке ясный, серебристый голос Барбары, он почувствовал, что готов на все.

- Что случилось, Барбара?

- Мне нужно занести вам документы. - Голос буквально звенел от избытка энергии. - Поскольку полагается их вручить лично, я хотела удостовериться, что вы на месте.

Случай предоставлялся сам собой...

Более благоприятного поворота событий Гло-

уджу было трудно даже желать. Его второй подопытный вот-вот придет, он сможет сделать вторую инъекцию и непосредственно наблюдать за реакцией.

На самом деле никакой реакции ему заметить не удалось. Передав ему документы, Барбара повернулась спиной, и именно в этот момент Глоудж "выстрелил" в неё сывороткой во второй раз. Девушка не подскочила от неожиданности, не зашаталась. Она спокойно продолжила свой путь, открыла дверь и удалилась.

Но в кабинет Хэммонда она не вернулась. Ожидая резкой физической реакции на вторую инъекцию, она предпочла в момент криза находиться в одиночестве, в своей квартире. Ей стоило большого труда сохранить невозмутимость перед Глоуджем.

Поэтому, выждав столько времени, сколько требовали соображения осторожности, она позвонила Хелен Венделл и передала ей, что не очень хорошо себя чувствует.

- Этого и следовало ожидать после столь тяжкой ночи, - любезно ответила ей Хелен.

- У меня начались головокружения, и к тому же подташнивает, - быстро подхватила Барбара. - Я испугалась и помчалась домой.

- Так вы сейчас у себя?

- Да.

- Я предупрежу господина Хэммонда.

Барбара положила трубку. Последняя фраза Хелен её насторожила. Но она ничем не могла помешать секретарше Хэммонда сообщить тому о её состоянии. Тем не менее это создавало реальную угрозу потери места работы. Слишком ещё рано. Позднее, когда эксперимент подойдет к концу, все это уже не будет иметь значения. Но сейчас...

Может быть, стоило принять кое-какие "страховочные" меры, как это обычно делают служащие. "В конце концов, - подумала она, - ведь должны же быть у меня какие-то симптомы болезненного состояния". Она позвонила врачу и условилась с ним о консультации на завтра. Кладя трубку, она почувствовала, как её захлестнула непривычная ей веселость: "Завтра, после этой второй инъекции, наверняка я буду чувствовать себя прескверно".

Хэммонд появился к концу дня, и Хелен сообщила ему о звонке Барбары. Некоторое время он молчал, погруженный в свои мысли.

- Что-то здесь не так, Хелен, - вымолвил он наконец. - Наверное, я должен был спросить об этом у вас раньше: вы хорошо изучили её личное дело?

Блондинка самоуверенно улыбнулась:

- Я в состоянии наизусть повторить все, чем оно напичкано. Ведь проверкой на безопасность при поступлении на работу занималась я сама. Что именно вам хотелось бы знать?

- Вы хотите сказать, что в личном деле нет ничего особенного?

- Во всяком случае, ничего необычного я в нем не обнаружила.

Хэммонд больше не колебался. Уже давно Хелен пользовалась его полным доверием.

- Очень хорошо, - неожиданно сказал он, поднимая, как бы сдаваясь, руки вверх. - Пусть она воспользуется этим уик-эндом для того, чтобы подлечиться. Предупредите меня, когда она снова выйдет на работу. Прислали ли уже доклад из Новой Бразилии?

- Я его переслала в наш Центр в Милане.

- Серьезно? Тогда соедините меня с Рамоном. Для этого несомненно есть какая-то причина!

Вскоре новые заботы целиком завладели вниманием Хэммонда.

Барбара спала.

И проснулась, когда часы показывали семь часов двенадцать минут.

В этот утренний час было совсем светло. Но

узнала она об этом совершенно необычным способом. Девушка вышла из комнаты, чтобы полюбоваться пейзажем... не покидая постели!

Она одновременно была и в постели, и вне дома.

В одно и то же время...

Машинально она затаила дыхание. Понемногу образ улицы стерся, и она вновь очутилась в комнате.

Пораженная тем, что произошло, Барбара вновь задышала полной грудью. Методом осторожного поиска она выяснила, что порог её чувствительности достигал примерно сотни метров.

И это было все, что ей удалось узнать.

Что-то в её мозгу действовало наподобие невидимого зрительного шупальца, способного проникать сквозь стены и передавать оптические изображения предметов в тот участок мозга, который интерпретирует световые ощущения. И эта способность носила вполне устойчивый характер.

Вскоре Барбара заметила черный фургон, припаркованный на углу, и доктора Глоуджа внутри. Она увидела, что тот держал в руках прибор, от которого к его уху тянулся проводок. Казалось, он тайно следит за ней. Вид у доктора был само-

углубленный, маленькие глазки полузакрыты. Она сумела воспринять и степень решимости этого маленького лысого доктора в отношении эксперимента. То, что ей открылось, внезапно испугало ее: Барбара обнаружила беспощадную и безличностную волю, которая никак не совпадала с её собственным радостным и искренним участием в эксперименте Глоуджа.

Для доктора - остро почувствовала она - все живые формы, над которыми он работал, были всего лишь неодушевленными объектами для опытов.

С общечеловеческой точки зрения, его деятельность, безусловно, носила характер безграничной извращенности.

Барбара увидела, что Глоудж отложил аппарат в сторону, завел мотор и уехал.

"Раз Вэнс работал в ночную смену, - подумала она, - то доктор, скорее всего, направляется к нему".

Желая удостовериться в этом, Барбара набрала номер телефона Вэнса. Никто не ответил. Тогда она позвонила в лабораторию. Административный помощник сообщил, что сегодня ночью Стрезер на работу не выходил.

Она забеспокоилась, вспомнив, как мучительно реагировал Вэнс на первую инъекцию. Она

подозревала, что доктор уже сделал ему и второй укол, и опасалась, что Вэнс отреагировал на него не лучшим, чем в первый раз, образом.

Барбара быстро оделась и отправилась на машине к своему дружку. Приближаясь к дому Вэнса, она разглядела через стену, что тот был дома. Но на её звонок никто не ответил. Тогда она вошла, воспользовавшись своим ключом. Тот лежал на диване в гостиной и беспокойно метался во сне. Судя по его внешнему виду, у него поднялась температура. Она потрогала лоб: он был сухой и буквально обжигал руку.

Вэнс повернулся и открыл глаза. Его взгляд был затуманен. "А я так хорошо себя чувствую, - печально подумала Барбара. - Почему же он так плох? Что могло произойти?"

- Вэнс, нужно немедленно вызвать врача, - встревоженно сказала она. Как зовут того доктора, который лечил тебя в прошлом году?

- Ничего, все пройдет, - пробормотал Вэнс. И снова заснул.

Барбара села рядом с ним на диван. Внезапно она принюхалась, и ошеломляющая мысль промелькнула у неё в голове: "Ведь это газ!" Но времени действовать у неё уже не было.

Барбара, должно быть, потеряла сознание сразу,

потому что уже в следующее мгновение Глоудж склонился над ней, распростертой на полу.

Ученый был спокоен, действовал уверенно и, казалось, был доволен ходом событий. Она уловила его мысль: "С ней все будет в порядке".

Глоудж подошел к Вэнсу. На сей раз он проявил обеспокоенность: "Да... по-прежнему ничего хорошего... Посмотрим, может быть, ему будет лучше от транквилизатора".

Доктор сделал укол. Когда он выпрямился, в голове у Глоуджа она прочитала странную и свирепую мысль: "В понедельник вечером наступит очередь третьей инъекции. Пора решаться".

Барбара все это воспринимала так отчетливо, как если бы доктор говорил в полный голос. Ей стало ясно, что он намерен умертвить их обоих, если один из двух его экспериментов не пойдет по намеченному им руслу.

Вне себя от ужаса, Барбара старалась тем не менее сохранять полную неподвижность. И в этот момент с ней произошел эволюционный скачок, совершенно отличный от тех, что имели место до сих пор.

Началось с того, что внезапно в её мозг хлынул поток такой, обычно тщательно скрываемой, информации, который позволил ей увидеть людей

в их истинном свете. С одной стороны - глупцы, симулянты, люди-тряпки. С другой - одержимые и развращенные, ловкачи и циники. Барбара видела, что в мире есть и сильные личности, движимые добрыми намерениями. Но в этот момент она была особо восприимчива к лицам разрушительного типа... множеству жуликов и клятвопреступников, которых - и теперь она это отчетливо сознавала совесть совершенно не мучила. Но она поняла также и то, что они ошибались насчет своего собственного горького жизненного опыта. Потому что они действительно были алчными и чувственными людьми, потому что перестали бояться наказания как в этом, так и в потустороннем мире, потому что считали недопустимым, чтобы кто-то выступал против их мелких капризов, потому что...

Промелькнуло и одно личное воспоминание, которое она уже давно забыла, - о мелком начальничке, который выставил её за дверь - а ведь это было её первое место работы! - только за то, что она отказалась пойти к нему домой.

Всю жизнь её приучали не замечать подобных вещей, и она старалась придерживаться этих советов. Но сейчас Барбара предоставила полную свободу своеобразному компьютеру, действовав-

шему где-то у неё в подсознании, для накопления всех сведений ТАКОГО ХАРАКТЕРА в обширной кладовой своих знаний ради трезвой оценки действительности.

Этот процесс все ещё продолжался в ней и после того, как Глоудж ушел так же бесшумно, как и вошел.

Когда Барбара захотела подняться, то с удивлением обнаружила, что не может даже открыть глаза. Вскоре она изумилась очевидному факту: её тело по-прежнему оставалось в бессознательном состоянии.

Что за удивительная способность!

Но постепенно это обстоятельство стало её тревожить. "Я же совсем беззащитна", - подумала она. И только в первые послеобеденные часы она смогла наконец пошевелиться. Барбара поднялась, подавленная и задумчивая. Подогрела суп для себя и для Вэнса.

Но, съев, по её настоянию, тарелку супа, Вэнс опять улегся на диван и заснул. Тогда Барбара покинула его квартиру, направившись к врачу, с которым условилась о приеме.

Сидя за рулем, она почувствовала, как внутри у неё все затрепетало. Неужели новые изменения? Она ответила сама себе утвердительно. А до по-

недельника, возможно, произойдут и другие. В то же время интуиция подсказывала, что ей не справиться со складывавшейся ситуацией, если дело ограничится только теми изменениями, которые вызвали в ней два первых укола.

"Необходимо изыскать возможность сделать третью инъекцию", - решила она про себя.

7

В понедельник, продиктовав несколько писем машинистке, присланной из машбюро, Хэммонд в полдень покинул свой кабинет.

- Какие новости в отношении девять и две?

Хелен вскинула голову и одарила его ослепительной улыбкой:

- Вы имеете в виду Барбару?

- Конечно.

- Утром по её просьбе звонил врач. Он осмотрел её в субботу. У неё несколько повышенная температура, головокружения, различные болячки, в которых обычно не признаются, например расстройство желудка. В то же время, как считает этот врач, и это, естественно, его личное мнение, обнаружилось и кое-что неожиданное. Вас это интересует?

- Еще бы!

- Так вот, у него сложилось впечатление, что с

тех пор, как он осматривал девушку в последний раз примерно с год назад, в её личности произошли серьезные перемены.

Хэммонд кивнул:

- Это лишь подтверждает наши собственные наблюдения. Хорошо... Держите меня в курсе.

Но к шестнадцати часам, когда наконец померкли экраны дальней связи, он вызвал Хелен Венделл.

- Я все время думаю об этой девушке. Это на уровне предчувствия, поэтому не могу им пренебречь. Позвоните-ка Барбаре.

Спустя минуту Хелен сообщила:

- Сожалею, но на звонки никто не отвечает.

- Пришлите её личное дело. Мы столкнулись с чем-то необычным, и я хочу удостовериться, что ничего не упустил.

Через несколько минут, листая страницы личного дела Барбары, он натолкнулся на фотографию Вэнса Стрезера. От неожиданности он вскрикнул.

- Что такое? - поинтересовалась Хелен.

Хэммонд рассказал ей о перепалке между Глоуджем и Стрезером, свидетелем которой он оказался на прошлой неделе.

- Конечно, - закончил он свой рассказ, - тогда

я не усмотрел никакой связи между Барбарой и этим молодым человеком. Но в её досье есть его фотография. Принесите-ка мне личное дело Глоуджа.

- Судя по всему, - сказала Хелен, - изменения в характере доктора стали проявляться два месяца тому назад, когда умерла его сестра. Это один из типичных случаев внезапных и опасных перемен, основанных на личной мотивации. - Она мрачно добавила: - Мне следовало бы обратить внимание на этот момент. Ведь нередко потеря близкого человека очень сильно влияет на людей.

Хелен сидела в салоне квартиры, которой располагал Хэммонд в Исследовательском центре Альфа. Дверь, ведущая в кабинет, была закрыта. В зияющем чреве огромного сейфа, вделанного в противоположную стену, виднелись два ряда личных дел сотрудников, расставленных в металлических секциях в строгом порядке. На столе у Хелен лежали два таких досье - на Генри Глоуджа и Барбару Эллингтон. Хэммонд стоял рядом со своей сотрудницей.

- А что вы скажете об этой поездке на восток страны, которую он совершил в начале месяца? - спросил он.

- Доктор провел три дня в имеющемся у него там доме, занимаясь, так сказать, продажей имущества как своей сестры, так и собственного. У них была загородная резиденция - старая заброшенная ферма, переоборудованная под частную лабораторию. Это идеальное место для проведения тайных опытов. Но на ком? Может быть, на приматах? Маловероятно. Не так-то просто достать их нелегально, за исключением мелких гиббонов. Подопытные животные такого рода представляли бы серьезную потенциальную опасность для проекта Глоуджа. Поэтому не остается сомнений в том, что он намеревался работать над людьми.

Хэммонд согласился с ней. На его лице застыло почти страдальческое выражение.

Хелен взглянула на шефа:

- Вы, кажется, обеспокоены. Можно предполагать, что до настоящего времени Барбара и Вэнс получили каждый по две инъекции. Это продвинет их на уровень эволюции, который они достигли бы нормальным путем через пятьдесят тысяч лет. Я не вижу в этом ничего катастрофического.

На лице Хэммонда появилась вымученная улыбка:

- Не забывайте, что мы имеем дело с одним из "осемененных" видов животного мира Земли.

- Конечно, но пока что дело не пошло далее скачка в развитии на пятьдесят тысяч лет!

Хэммонд с симпатией посмотрел на Хелен.

- Мы с вами, - сказал он, - находимся всего лишь на низших ступенях лестницы эволюции, и нам трудно представить эволюционный потенциал генов вида "ХОМО ГАЛАКТИКУС".

- Мой небольшой коэффициент меня вполне устраивает, - рассмеялась Хелен.

- Хорошо её запрограммировали, - еле слышно прошептал Хэммонд.

- Но я согласна с вашим анализом. Что вы намереваетесь делать с Глоуджем?

Хэммонд решительно повел плечами:

- Необходимо немедленно остановить эксперименты на людях. Передайте Эмису: пусть он блокирует сотрудниками службы безопасности все выходы. Нельзя допустить, чтобы Глоудж покинул здание. А если Вэнс и Барбара попытаются сюда проникнуть, пусть их задержат. Когда передадите Эмису это распоряжение, отмените все мои встречи на сегодня.

После этих слов Хэммонд ушел в свою комнату и вернулся переодетый для выхода в город.

- Я позвонила Эмису, - сообщила Хелен. - Связалась и с кабинетом Глоуджа. Его секретарша сказала, что с час тому назад тот вышел из здания.

- Объявите общую тревогу, - поспешно распорядился Хэммонд. - И пусть Эмис поставит двух своих людей перед домами, где проживают Вэнс и Барбара.

- Куда вы сейчас направляетесь?

- Сначала к Барбаре, затем к Вэнсу. Лишь бы вовремя мне удалось прийти!

По лицу Хелен, видно, пробежала тень, поскольку он добавил с натянутой улыбкой:

- Судя по вашему выражению, вы считаете, что я чрезмерно втягиваюсь в это дело!

Красавица-блондинка в ответ понимающе улыбнулась:

- Каждый день на этой планете убивают тысячи людей. Грабят сотни тысяч, совершают немыслимое количество актов насилия меньшего значения. Людей избивают, душат, оскорбляют, унижают, надувают... И я могла бы ещё долго продолжать в таком духе. Если мы ввяжемся в этот цирк, с нами будет покончено.

- Я симпатизирую Барбаре, - признался Хэммонд.

- Я тоже, - спокойно ответила Хелен. - Но все же, что, по-вашему, происходит?

- Думаю, что Глоудж сумел ввести им первую инъекцию в ту среду, а вторую - в пятницу. Это значит, что третью он должен сделать сегодня. Именно этому я и должен помешать.

И он поспешно вышел.

8

Глоудж начал нервничать. День истекал, и он ни о чем другом, как о своих двух подопытных, уже думать не мог. Его раздражало, что он не может держать их обоих под рукой и наблюдать за действием сыворотки. Понедельник был для него последним днем.

"Смешная, однако, сложилась ситуация! - подумал он про себя. - Идет самый крупный за всю историю человечества эксперимент, а никого нет, кто бы мог с научных позиций наблюдать за результатами второй инъекции, которая имеет решающее значение!"

К этим заботам примешивалось и другое чувство. Глоудж БОЯЛСЯ!

Он не мог забыть молодого человека. У слишком многих подопытных животных он отмечал точно такие же симптомы, чтобы обманываться на счет Стрезера. Негативная реакция на

сыворотку, появление расстройства в работе внутренних органов, болезненный вид, борьба, которую развернули клетки тела, - все это было доказательством того, что организм и его химия терпят поражение.

Глоудж должен был признать, что у него есть и дополнительное основание для тревоги. У многих подопытных животных в лаборатории развивалась на этой стадии агрессивность, и было бы разумно подготовиться также и к такому повороту событий.

"Не стоит убаюкивать себя, - разъяренно думал он. - Лучше бросить все дела и пойти посмотреть, что происходит с этой парой".

Именно тогда он и ушел с работы.

Исходя из постулата, что с Барбарой все в порядке, доктор в первую очередь направился к квартире Вэнса. Прежде чем войти в дом, он провел контрольное прослушивание, чтобы выяснить, находится ли тот в помещении и нет ли у него кого-нибудь еще.

Признаки жизни он засек сразу: прерывистое дыхание, скрип кровати. Эти звуки резали ухо - настолько чувствителен был микрофон. Глоудж уменьшил уровень громкости, чтобы не резало слух.

Настроение доктора упало ещё на несколько пунктов, так как услышанное лишь подтвердило его опасения.

И как-то разом все, что до настоящего времени служило ему научным прикрытием, чтобы оправдать свое поведение, столкнулось с грубой действительностью: неудача была явной, и это следовало признать.

В соответствии с разработанной им ранее линией поведения теперь надлежало убрать Вэнса.

Это со всей очевидностью предполагало также и устранение Барбары.

Прошло некоторое время, и первоначально обуявшая Глоуджа паника уступила место строго научному подходу: услышанные им звуки ещё не давали достаточной информации для принятия окончательного решения.

Глоудж был глубоко уязвлен в своих надеждах.

Чтобы определиться, нужно было обязательно увидеть Вэнса. Было бы некорректным, считал он, устранить обоих подопытных, без того чтобы переговорить с ними лицом к лицу.

В тот самый момент, когда биолог, выйдя из фургона, направлялся к квартире Вэнса, тот видел сон.

Ему представлялось, что человек - как же его

зовут? Кажется, Глоудж, с которым он поссорился несколько дней тому назад в коридоре Исследовательского центра Альфа, приближается к дому с намерением его убить. Откуда-то из глубин существа Вэнса поднялась темная ярость. Но он так и не проснулся.

Зато сон - продукт странного и хаотического эволюционного процесса, который он переживал, - продолжался.

Он наблюдал с какой-то невидимой ему точки, как Глоудж подходит к служебной двери его квартиры. Вэнс ничуть не удивился тому, что лысый человек выудил из своего кармана ключ. Дрожа от страха, Вэнс наблюдал, как тот осторожно вставил его в замочную скважину, повернул и неслышно открыл дверь.

В этот момент охвативший Вэнса ужас вынудил его тело перейти к действиям. Его нервная система как бы исторгла миллионы мельчайших энерголучей, похожих на сверкающие перламутровые ниточки. Они пронзили стену, отделявшую столовую от кухни, и обрушились на Глоуджа.

Эти энергоединицы большой мощности безошибочно отыскали окончания нервных волокон в организме Глоуджа и через них молниеносно рванулись к нему в мозг.

Их породили не какая-то оформившаяся мысль или трезвый анализ ситуации. Энергия материализовалась в этих частицах лишь под воздействием страха, и сами они несли стимуляционный заряд. Они атаковали Глоуджа на психическом уровне, приказывая ему удалиться, повернуть назад...

Доктор Глоудж пришел в себя лишь в фургоне. Он вспомнил, как со всех ног умчался прочь от дверей. Где-то в сознании смутно забрезжила мысль, что в какой-то момент его охватила всепроникающая паника.

Дрожа всем телом, тяжело дыша, он попытался успокоиться. Никогда ещё в жизни он не испытывал такого постыдного испуга.

Но он твердо знал, что должен вернуться к Вэнсу.

Еще дважды спящий молодой человек сумел произвести достаточно мощный выброс энерголучей и вынуждал Глоуджа отступать. Но с каждым разом выделяемая им энергия слабела, и Глоудж соответственно отбегал от двери на все меньшее и меньшее расстояние, чтобы, переведя дух, снова вернуться.

При четвертой попытке агонизирующие механизмы мозга Вэнса смогли высвободить совсем

ничтожный заряд. Глоудж почувствовал, как в нем начал зарождаться ужас, но на сей раз он сумел успешно ему воспротивиться.

Доктор неслышно пересек кухню, направляясь к двери, ведущей в гостиную.

Биолог пока ещё не осознал, что он только что схватился в смертельной схватке со спящим юношей и что вышел из неё победителем.

Несколько мгновений спустя Глоудж уже стоял у кровати, наклонившись над потерявшим сознание подопытным мужского пола. Тот буквально исходил потом. Он вздрагивал и жалобно стонал. По телу прокатывались судороги.

Да, никаких сомнений: опыт не удался.

Глоудж не стал терять времени. Он принес с собой все, что было необходимо для исполнения задуманного. Из кармана он вынул пару наручников и закрепил их на запястьях молодого человека. Затем связал ему руки и ноги по отдельности и стянул их вместе. Его жертва по-прежнему не приходила в себя.

Как и предполагал Глоудж, труднее оказалось засунуть Вэнсу в рот кляп. Пришлось применить силу, чтобы разжать зубы. Доктор почувствовал, как деревенеет под его руками тело Вэнса. Внезапно молодой человек открыл глаза и вперил в

него безумный взгляд.

Конвульсивными движениями Стрезер попытался освободиться от пут как на ногах, так и на руках.

Но Глоудж принял все необходимые меры, и его жертва вскоре отказалась от борьбы. Понимая, что он надежно контролирует ситуацию, доктор вытащил кляп и начал опрос:

- Я хочу знать, что вы ощущаете в данный момент?

Буйный огонь запылал в полных ярости глазах Вэнса, устремленных на Глоуджа. Пронзительным голосом он выдал набор ругательств. Так прошло несколько минут. Затем его, видимо, поразила какая-то мысль.

- Вы... так это вы на прошлой неделе что-то со мной сделали?

Глоудж утвердительно кивнул головой:

- Я дважды ввел вам сыворотку, которая должна была вызвать процесс ускорения эволюции клеток. А сейчас я пришел, чтобы выяснить ваше состояние.

Его серые глаза были абсолютно пусты, а на лысом черепе поигрывали блики от зажженной им лампы. С важным видом он заявил:

- Почему бы подробно не рассказать, что вы

испытываете в этот момент?

На этот раз поток ругательств иссяк уже через минуту. Спеленутый путами, Вэнс разглядывал своего победителя. Что-то в бледном и напряженном лице биолога, должно быть, убедило его.

- Я чувствую себя отвратительно, - сказал он с беспокойством.

Глоудж настаивал:

- Поточнее, пожалуйста.

Методично, вопрос за вопросом, он выудил у отчаянно сопротивлявшегося Вэнса признание в том, что тот слаб, доведен до изнеможения и окоченел.

Это и было фатальным комплексом тех симптомов, которые биолог столько раз наблюдал у животных, и Глоудж знал, к чему они ведут.

Не говоря больше ни слова, он наклонился над юношей и стал снова засовывать ему в рот кляп. Молодой человек извивался всем телом, бился, вертел головой, неоднократно пытался укусить ученого, но кляп неуклонно вдавливался все глубже и глубже. В конце концов Глоудж сделал свое дело, а концы закрывавшей рот повязки затянул на затылке у своей жертвы.

После этого он спустился и подогнал фургон в тупик, куда выходила задняя дверь квартиры

Вэнса. Он поднялся в помещение, завернул Вэнса в одеяло и хладнокровно отнес его в машину.

Через несколько мгновений он уже сидел за рулем и катил к дому одного из своих сотрудников, который в настоящее время проходил стажировку в лаборатории одного из восточных штатов и дом которого поэтому пустовал.

Если бы Глоудж позволил себе передохнуть, на минутку остановиться или даже сбросить ногу с педали акселератора, он, наверное, сломался бы и заколебался, стоит ли доводить свои зловещие планы до конца. Но он затормозил только тогда, когда прибыл на место. В сущности это являлось продолжением его замысла. Его финальным аккордом.

Доктор с трудом дотащил связанного Вэнса с кляпом во рту до двери и открыл её. Затем доволок его до края бассейна и с ходу сбросил окоченевшее тело юноши в воду.

После этого чудовищного поступка он какое-то мгновение постоял, выбившись из сил и вглядываясь в цепочку пузырьков воздуха, взбаламутивших темный покой воды в бассейне. Внезапно испугавшись, что кто-то мог увидеть его, Глоудж развернулся и, пошатываясь, пошел к выходу.

Проскользнув в кабину фургона, он почти упал в изнеможении на сиденье. И тут в первый раз за все это время он утратил свою невозмутимость, причем это проявилось скорее в движениях, чем в мыслях: "Боже! Что я наделал!"

Но на этом его реакция на случившееся и кончилась. Своего решения Глоудж менять не стал. Он сидел, корчась от мысли, что всего в нескольких шагах от него тонул человек.

Когда не оставалось больше ни малейшего сомнения в том, что по всем законам жизни подопытный должен был уже перестать дышать, доктор громко вздохнул. Он встряхнулся. Все, пути назад больше нет. Первая из двух намеченных жертв устранена. Дело за второй.

Теперь следовало заняться девушкой.

Из расположенной неподалеку кабины телефона-автомата Глоудж позвонил в пансионат Барбары Эллингтон. Судя по голосу, ему ответила дама в возрасте, заявившая, что Барбара вышла.

Она добавила:

- Что-то частенько ей сегодня звонят.

- Что вы хотите этим сказать? - спросил неприятно пораженный её сообщением Глоудж.

- А то, что совсем недавно к ней приходили несколько человек. Естественно, я и им ответила,

что её нет.

Глоудж испуганно вздрогнул:

- Они назвали себя?

- Среди них был некий господин Хэммонд.

Хэммонд! Ученого прошиб холодный пот, он оцепенел.

- Благодарю вас, - сдавленным голосом сказал он и повесил трубку.

Он буквально трясся от страха, когда садился в свой фургон. Возникла мучительная дилемма: что теперь делать? Сначала ему пришло в голову, что следовало бы с наступлением темноты вернуться к бассейну, выловить труп Вэнса, освободить его от пут, а затем уничтожить тело. Но инстинкт подсказывал ему, что лучше сделать это сейчас. В то же время Глоуджу отчаянно хотелось вернуться в Центр и уничтожить остатки сыворотки, хранившейся в сейфе.

Внезапно он решил, что самое главное и наименее рискованное в этот момент - уничтожить сыворотку. Солнце уже скрылось за холмами на западе, но небосвод ещё голубел. Было слишком светло для выполнения мрачной и опасной задачи - освободиться от трупа.

9

В девятнадцать часов десять минут доктор

Глоудж открыл дверь своего кабинета в секции биологии Исследовательского центра Альфа. Прикрыв её за собой, он быстро обошел вокруг широкого стола, занимавшего весь центр кабинета, и наклонился, чтобы выдвинуть ящик, в котором лежал ключ от одного из сейфов.

- Добрый день, доктор Глоудж, - произнес чей-то женский голос позади него.

На какую-то долю секунды Глоуджа словно парализовало. Эти слова и интонация произвели на него такой же эффект, как если бы через него пропустили электрический ток, возрождая прежние надежды. В такое везение он просто не мог поверить, а именно в то, что второй человек, от которого он решил избавиться, сам пришел сюда, где доктор наилучшим образом мог бы свести с ним счеты.

Он медленно выпрямился и обернулся.

На пороге примыкавшей к кабинету библиотеки стояла Барбара Эллингтон. Она рассматривала его с серьезным и настороженным выражением на лице.

Но в течение всех последующих минут Глоудж ни на миг НЕ ОСОЗНАВАЛ, что эта женщина была именно Барбарой Эллингтон.

Как только он взглянул на нее, сразу же где-то

в глубинах его естества произошли миллионы таинственных упорядочений в нервной системе. И на уровне подсознания он стал воспринимать Барбару как свою недавно умершую сестру. Причем теперь для него она уже не была мертвой. Напротив, в лице Барбары она дышала успокоительной силой жизни.

Доктор и девушка обменялись полными взаимопонимания взглядами. Глоуджу вдруг подумалось, что с научной точки зрения было бы нелогично убивать существо, которое олицетворяло успех его эксперимента. Ему даже казалось, что Барбара всецело на его стороне и готова к сотрудничеству. Он отогнал от себя мелькнувшее было искушение сделать вид, что его не интересует, почему она пришла в его кабинет.

- Как вы вошли сюда? - естественным голосом спросил он.

- Через зал, где выставлены образцы.

- И никто из ночной смены вас не заметил?

Барбара чуть улыбнулась:

- Нет.

Глоудж жадно всматривался в нее. Он отметил манеру Барбары держаться почти не шевелясь, но сохраняя в то же время великолепное равновесие всего тела, что свидетельствовало о сдерживае-

мой, но готовой в любую минуту выплеснуться энергии. Его поразили ум и живость в глазах девушки.

Мозг Глоуджа пронзила мысль: ещё никогда ничего идентичного этому Земля не видела!

- Вы здорово рисковали, работая с нами, - неожиданно бросила Барбара.

- Так было нужно.

Собственные слова удивили доктора Глоуджа.

- Да, я знаю, - безмятежным тоном ответила Барбара. Когда она шагнула к нему, ученый заволновался и по его спине пробежали мурашки. Но она обошла биолога, села в приставленное к стене кресло, положив на подлокотник свою коричневую сумочку. Глоудж молча наблюдал за ней. Она заговорила первой:

- Необходимо, чтобы вы сейчас же сделали мне третью инъекцию. Затем я сама пойду к Вэнсу с вашим прибором и с дозой сыворотки. Он...

Она запнулась, вгляделась в лицо Глоуджа и внезапно в её глазах зажегся огонек понимания:

- Итак, вы его утопили! - Какое-то время она оставалась в задумчивости, затем заговорила снова: - Но он не погиб. Я чувствую, что он ещё жив. Хорошо... Каким инструментом вы пользуетесь для инъекций? Он наверняка должен быть

ещё при вас.

- Да, - хрипло признался Глоудж. - Но, - живо добавил он, предпочтительнее дождаться завтрашнего дня для введения сыворотки в третий раз. Это повысит шансы на благоприятное развитие процесса. И вам следует оставаться здесь. Никто не должен вас видеть. Желательно провести ряд тестов... Хотелось бы узнать от вас...

Он замолчал, заметив, что заикается. Барбара не сводила с него глаз. Тот факт, что она узнала об участи Вэнса, никак не взволновал ученого, так как он считал само собой разумеющимся, что она понимала и ценила причины и способы реализации его планов. В выражении лица девушки он находил сейчас что-то такое, что успокаивало его.

- Вы многого не знаете, доктор Глоудж. Я совершенно уверена, что смогу перенести третью инъекцию. Поэтому немедленно сделайте её и отдайте мне остатки сыворотки.

Барбара Эллингтон встала и подошла к нему. Она ничего не сказала, её лицо оставалось бесстрастным, но уже в следующее мгновение Глоудж осознал, что сам протягивает ей шприц.

- Осталась всего одна доза.

Барбара, не дотрагиваясь до руки биолога, взяла

шприц, внимательно его осмотрела и вернула доктору:

- Где хранятся ваши запасы сыворотки?

Глоудж подбородком кивнул на библиотеку, прилегавшую к рабочему кабинету. Барбара стояла к ней спиной.

- В самом большом из двух сейфов.

Она повернула голову в указанном им направлении. Несколько секунд Барбара стояла неподвижно, с опустошенным взглядом и полуоткрытым ртом, как если бы она внимательно к чему-то прислушивалась. Но в конце концов её взгляд снова уперся в Глоуджа.

- Быстро сделайте мне инъекцию. Сюда идут люди.

Глоудж поднял шприц, коснулся кончиком иглы плеча Барбары и нажал на спусковой механизм. Девушка прерывисто задышала. Она вырвала из рук доктора шприц, сунула его в сумочку и закрыла её. Затем повернулась к двери.

- Вслушайтесь! - приказала она.

Глоудж вскоре услышал звук шагов в тесном коридоре, который соединял его кабинет с главной лабораторией. Шаги приближались.

- Кто это? - обеспокоенно спросил он.

- Хэммонд и с ним ещё три человека.

Глоудж издал приглушенный жалобный стон.

- Надо бежать! - сказал он в отчаянии. - Они не должны обнаружить ни вас, ни меня. Быстро... Сюда... - Он показал рукой на библиотеку.

Барбара отрицательно покачала головой:

- Они нас окружают. Все выходы контролируются. - Она нахмурилась. Хэммонд, должно быть, считает, что у него все необходимые улики против вас, но не облегчайте ему задачу. Отрицайте все! Посмотрим, что же я смогу сделать с моим... - Продолжая говорить, она вновь села в кресло, которое недавно покинула. Ее лицо ничего не выражало.

- Мне, возможно, удастся обмануть его, - сказала она уверенным тоном.

Шаги достигли двери. Постучали. Глоудж бросил взгляд на Барбару. В его голове вихрем проносились самые различные мысли. Но Барбара, покачав головой, улыбнулась.

- Входите! - сказал Глоудж. Но он взял неверный тон: слишком громко закричал.

Вошел Хэммонд.

- О! Господин Хэммонд... - воскликнула Барбара. Ее щеки заалели, она казалась смущенной и сконфуженной.

Хэммонд, увидев её, встал как вкопанный. Он

внезапно почувствовал, как кто-то зондирует его мозг, и незамедлительно возвел защитный барьер. Зондаж прекратился.

Хэммонд перехватил взгляд Барбары. В глазах девушки тенью проскользнуло неподдельное изумление. Хэммонд не без иронии улыбнулся, затем отчеканил голосом, в котором звучал металл:

- Оставайтесь на месте, Барбара. С вами я поговорю позже. Войдите, Эмис, - добавил он, повысив голос.

В его интонации сквозило что-то угрожающее. Глоудж вновь умоляюще взглянул на Барбару, которая нерешительно ему улыбнулась. Выражение искренности и бесхитростности на её лице, с которым она встретила Хэммонда, уступило теперь место смиренности, но одновременно и настороженности.

Хэммонд сделал вид, что не заметил этой перемены.

- Эмис, - обратился он к одному из трех сотрудников, которые прошли через зал с образцами и в котором Глоудж узнал главу безопасности Центра Альфа.

- Эмис, перед вами Барбара Эллингтон. Отберите у неё сумочку. Никого в этот кабинет не

пускать. Мисс Эллингтон запрещается выходить отсюда и касаться чего бы то ни было. Я хочу, чтобы она оставалась в этом кресле до тех пор, пока я не вернусь обратно с доктором Глоуджем.

- Слушаюсь, господин Хэммонд. - Эмис сделал знак одному из своих людей, который запер на ключ дверь кабинета. Сам он подошел к Барбаре, которая, не говоря ни слова, вручила ему сумочку.

- Следуйте за мной, доктор Глоудж, - сухо сказал Хэммонд.

Хэммонд прикрыл дверь библиотеки и повелительным тоном спросил у Глоуджа:

- Где Вэнс?

- Вы знаете, господин Хэммонд, я не...

Хэммонд резко шагнул к нему. Ученый, испугавшись, что с ним будут грубо обращаться, отступил. Но Хэммонд ограничился тем, что схватил доктора за руку и прижал к его запястью миниатюрный стальной предмет.

- Так скажите все же, где Вэнс? - повторил он.

Глоудж открыл было рот, чтобы поклясться, что не имеет ни малейшего понятия о судьбе молодого человека, но вместо этого вдруг сразу все выложил. Биолог, понимая, что тем самым он признает свое преступление, отчаянно пы-

тался бороться с самим собой. Он уже понял, что приставленный к его запястью металлический предмет вводил его в состояние, подобное гипнозу, и попытался вырваться из рук Хэммонда.

Безуспешно.

- Когда вы бросили его в воду?

- Примерно час тому назад, - изнемогая, ответил Глоудж.

В этот момент в соседнем кабинете раздались крики. Распахнув дверь, в библиотеку ворвался бледный, как воск, Эмис.

- ГОСПОДИН ХЭММОНД...ОНА ИСЧЕЗЛА!

Хэммонд рванулся в кабинет. Доктор Глоудж, которого бил колотун, поспешил вслед за ним. Пока он добрался до двери, Хэммонд уже выныривал из холла вместе с одним из сотрудников службы безопасности. Ошалевший Эмис и третий сотрудник стояли посреди комнаты.

Хэммонд, закрыв дверь, обратился к Эмису:

- Быстро... Что произошло?

Эмис поднял руки в бессильном гневе:

- Не знаю, господин Хэммонд. За ней неотступно наблюдали. Они тихо сидела здесь, в кресле... а затем внезапно исчезла, вот и все. Он, - Эмис указал на одного из своих подчиненных, - стоял, прислонившись спиной к косяку двери. Когда мы

обнаружили, что её в кресле уже нет, он сидел на полу рядом с дверью! А она была настежь распахнута. Мы бросились в холл, но там никого не было. И тогда я позвал вас.

- Сколько времени вы за ней наблюдали? - сухо осведомился Хэммонд.

- Сколько времени? - взглянул на него оторопевший Эмис. - Я только проводил свою матушку до лифта в холле...

Он вдруг смолк и быстро-быстро заморгал:

- Чего это я вам говорю? Ведь матушка уже восемь лет как померла!

- Так вот что за трюк она применила, - тихо прошептал Хэммонд. - Она проникает в глубину души, туда, где хранятся самые святые воспоминания об усопших. А я-то думал, что она хотела всего лишь прочесть мои мысли!

Хэммонд замолчал, затем четко и ясно приказал:

- Эмис, проснитесь! Все трое, вы на пару минут потеряли сознание. Не ломайте голову над тем, чтобы понять, каким образом мисс Эллингтон удалось это сделать. Сообщите её приметы охранникам на выходах из здания. Если кто-то из них заметит её, то пусть держит под прицелом.

Сотрудники службы безопасности выскочили

из кабинета, а Хэммонд знаком показал полностью потерявшему над собой контроль доктору Глоуджу, чтобы тот сел. Хэммонд вытащил из кармана похожий на карандаш предмет и, нажав на него, какое-то время выждал.

На пятом этаже здания Центра Хелен Венделл сняла трубку личного телефона, стоявшего у неё на столе.

- Слушаю вас, Джон!

- Выключите все защитные экраны, а также экраны-ловушки, распорядился Хэммонд. - Глоуджу утопил Стрезера, так как опыт над ним не удался. Но вторая особа начеку. Трудно предугадать, что именно она может вытворить, но, возможно, сочтет необходимым побывать у меня в кабинете, чтобы затем быстро исчезнуть.

Хелен нажала на кнопку:

- Ничего делать не надо. Все экраны уже выключены.

10

Снаружи сгущались сумерки.

В двадцать часов восемнадцать минут небольшой телефон на столе секретарши Хэммонда на пятом этаже снова зазвонил. Хелен взглядом проверила, закрыта ли дверь, и сняла трубку.

- Слушаю, Джон.

- Я в бассейне, - сообщил ей шеф. - Его только что выловили из воды. Но он жив, Хелен! Сработал какой-то рефлекс, помешавший ему наглотаться воды. Тем не менее нам нужна кислородная палатка.

Хелен левой рукой взялась за другой телефон.

- Может, выслать "скорую"? - спросила она, набирая номер.

- Конечно. Вы знаете адрес. Пусть та остановится рядом с дверью. Надо действовать быстро.

- Хотите, чтобы были также и люди в военной форме?

- Естественно, но передайте им, чтобы они оставались в машине до тех пор, пока их не позовут. Высокий палисадник нас скрывает, к тому же стемнело. Я вернусь вместе с ними. Удалось ли поймать Барбару?

- Нет.

- Я так и знал. По возвращении я сам расспрошу всех охранников.

Барбара позволила Эмису сопроводить её до ближайшего лифта, все время внушая ему, что является его матушкой.

Войдя в кабину, она нажала кнопку подъема. Вскоре Барбара очутилась на крыше. Точно в соответствии с тем, что она уже обозрела внутренним

взором благодаря своим новым способностям, на крыше стоял приготовившийся к взлету вертолет. Хотя её не было в списке пассажиров, пилот, искренне уверовав в то, что перед ним его подружка, лично проводил её на борт. Неожиданное её появление казалось ему вполне естественным.

Чуть позже Барбара приземлилась на крыше другого здания. И опять пилот счел вполне естественным, что его подружка покинула его. Он поднялся в водух, и этот эпизод тут же стерся у него из памяти.

Столь поспешное приземление было для Барбары вынужденным, потому что она почувствовала, что начала действовать новая инъекция. Поэтому она зондировала проносившиеся под вертолетом здания до тех пор, пока не нашла небоскреб с незанятыми верхними этажами. "Попробую пробраться в один из пустых кабинетов", - решила она.

Но дальше крыши она пройти не смогла. Как только она ступила на первую ступеньку лестницы, уходившей в глубины небоскреба, как почувствовала, что её шатает. Стало ясно, что она уже не властна над своим телом. Слева виднелась дверь, выводившая в помещение, похожее на

чердак и служившее кладовкой. Она проникла туда, закрыв за собой дверь на засов. И только тогда она расслабилась, рухнув на пол.

В течение всей ночи она ни разу полностью не теряла сознания: отныне это стало для неё невозможным. Но Барбара отдавала себе отчет в том, что все её существо беспрерывно менялось, менялось, менялось...

Потоки энергии, пронизывавшие её тело, приобрели новое значение. Теперь они отделились от неё самой. Вскоре ей удалось взять их под свой контроль, но и сам этот контроль был по своему характеру каким-то другим.

Определенная часть её существа, как ей показалось, стушевалась, вытесненная новым сознанием, овладевшим ею.

"Я все ещё я, - подумало то новое существо, которое лежало теперь на полу кладовки. - Остались тело, чувства, желания..."

Но она уже четко осознавала, что даже в этой начальной фазе скачка на пятьсот тысяч лет вперед её "Я" уже стало "Я плюс ещё что-то".

Тем не менее ей ещё не удавалось четко понять, как это её существо становилось этим чем-то "Я плюс ещё что-то".

Ночь для неё затянулась надолго.

11

Наступил вторник.

Сразу после полудня Хелен Венделл пересекла коридор, связывавший штаб Хэммонда с его основным кабинетом. Хэммонд сидел за столом. При появлении Хелен он поднял на неё глаза.

- Как обстоят дела с нашими пациентами? - спросил он.

- Глоудж превосходно играет свою роль. Я даже позволила ему утром немного поболтать с его ассистентом. Через Телстар он уже дважды беседовал с сэром Хьюбертом относительно своих обязанностей на новом месте работы за рубежом. Я снова погрузила его в сон, но он в нашем полном распоряжении. Вы когда вернулись?

- Только что. А как дела со Стрезером?

Хелен похлопала рукой по магнитофону.

- Двадцать минут назад я запросила сведения у медицинской машины. Она представила мне подробный диагноз. Все записано на пленку. Хотите послушать?

- Нет, дайте выжимку.

Хелен поджала губы и начала:

- Машина подтверждает, что воды он не наглотался, что какой-то недавно появившийся в его мозгу механизм заблокировал дыхание и

поддерживал его в жизнеспособном состоянии. Вэнс ничего осознанно об этом эксперименте не помнит; следовательно, весь механизм выживания в этих условиях был запущен на уровне подсознания. Медицинская машина сообщает также и о других происходящих в его организме изменениях, которые она расценивает как чудовищные. Пока ещё рано говорить, сможет ли Вэнс вынести третью инъекцию или нет... В настоящее время он находится под воздействием транквилизаторов.

Хэммонд, казалось, не был удовлетворен этими сведениями.

- Хорошо, - сказал он после непродолжительного раздумья. - Больше ничего интересного?

- Есть. Очень много сообщений в ваш адрес.

- По поводу доктора Глоуджа?

- Да. Новая Бразилиа и Манила согласны с вами в том, что риск утечки слишком велик в случае, если доктор Глоудж останется в Центре Альфа дольше, чем это абсолютно необходимо.

- Вы только что говорили, что он прекрасно справляется со своей ролью?

Хелен кивнула:

- Пока. Но это очень строптивый тип, и у нас, в Центре, я, конечно, не в состоянии основательно

запрограммировать его так полно и окончательно, как это сделают в Париже. Они настаивают, чтобы его отправили в Париж. Этим займется курьер Арнольд. Он вылетает завтра утром рейсом в пять десять.

- Нет! - воскликнул Хэммонд. - Это преждевременно! Глоудж для нас - та приманка, на которую я надеюсь подцепить Барбару. Из опытов Глоуджа следует, что она обретет свободу действия только сегодня вечером. По моим подсчетам, в девять часов создадутся благоприятные условия для того, чтобы выпустить на сцену Глоуджа и выключить экраны защиты.

Хелен, помолчав несколько секунд, заявила:

- Джон, преобладает мнение, что вы преувеличиваете возможность эволюции Барбары Эллингтон в действительно опасном для нас направлении.

Хэммонд слегка улыбнулся:

- Я видел её. Другие нет. Насколько можно судить, она, возможно, уже погибла или погибает сейчас после третьей инъекции. Но если она будет в силах прийти, то, думаю, обязательно явится. Она в любой момент может начать искать человека, способного дать ей сыворотку.

Но в этот же вторник с личностью Барбары

случилось что-то новое.

Она обрела мыслительные механизмы, способные оперировать в космическом масштабе. Они действовали автоматически, за пределами сознания, так что их природа и способ действия были Барбаре совершенно неясны. Но они могли совершать немыслимое...

Пока она лежала на чердаке, один из новых образовавшихся в её мозгу центров исследовал космическое пространство в диаметре пятисот световых лет. Он вскользь прошел облака нейтрального водорода, пронизал молодые, ярко сверкающие звезды типа О, измерил колебания двойных звезд, учел кометы и ледовые астероиды. Очень далеко, в созвездии Змееносца, гигантская бело-голубая звезда превратилась в "новую", и необычайный мыслительный механизм Барбары воспринял необузданное извержение потоков лучистого газа. Черный карлик последний раз полыхнул инфракрасными лучами и затаился в сумрачных глубинах погасших звезд.

Разум Барбары охватывал всю эту беспредельность и без всяких усилий мчался все дальше и дальше... до того момента, пока не натолкнулся на специфическое "НЕЧТО". И тогда он отключился.

"Что же это я встретила?" - молча взывала Бар-

бара в состоянии полнейшего экстаза.

Она знала, что возникший у неё в мозгу новый механизм в соответствии со встроенной в нем самом внутренней программой как раз и должен был разыскать и встретить именно это "НЕЧТО". В то же время это не выразилось в осознанном понимании случившегося. Она была уверена лишь в одном: новый нервный центр, казалось, был удовлетворен и прекратил дальнейшее зондирование.

Но она чувствовала - и это вызвало в ней невыразимое ликование, - что он помнит об этом "НЕЧТО", с которым вступил в контакт.

Барбара все ещё смаковала эту радость, когда чуть позже отметила, что где-то в самой глубине её сути происходят новые энергообмены.

И тогда она предоставила телу и разуму самим постепенно воспринять их.

Час за часом город все больше охватывала летняя жара. Солнце поднялось высоко, и его беспощадные лучи обрушились на закрытое помещение, возвышавшееся на крыше многоэтажного здания в пяти километрах от Исследовательского центра Альфа. Барбара, свернувшись калачиком в пыли кладовки, лежала совершенно неподвижно. Время от времени с её губ слетал жалобный

стон. Подскочила температура, градом катился пот. Это длилось долго, очень долго. Потом её кожа ссохлась, а лицо приняло синеватый оттенок. Стоны прекратились. Если бы кто-нибудь оказался вблизи от Барбары, он не смог бы даже сказать, дышит ли она.

К четырем часам дня зной пошел на убыль, и в комнате с окнами без ставен стало прохладнее. Но истек ещё час, прежде чем царившая в помещении адская жара начала спадать. Примерно в шесть часов свернувшаяся человеческая фигура впервые шевельнулась.

Барбара медленно вытянула ноги, затем рывками перевернулась и снова затихла, распластавшись на спине с вытянутыми вдоль тела руками.

Ее правая щека была покрыта грязной коростой из пыли и высохшего пота. Она глубоко вздохнула и опять затихла. Через несколько минут приоткрылись веки. Ее темно-синие лучистые глаза непонятным образом ожили и наполнились внутренним огнем, хотя продолжали смотреть в одну точку.

Вечерело. В городе стали зажигаться огни. Все в каморке дышало тишиной. Тем не менее прошел ещё час, прежде чем раскинувшийся на полу силуэт человека снова подал признаки жизни...

На этот раз это были движения другого характера. Барбара внезапно стремительно вскочила на ноги и подошла к ближайшему окну, прислонившись лицом к грязному стеклу.

На западе высилась величественная груда комплекса Альфа в ореоле яркого света. Барбара повернула голову в этом направлении...

Через секунду разум Барбары, обуздывая её взгляд, стал осваиваться с обстановкой на совершенно ином, безмерно более глубоком уровне восприятия.

Ночью работа Центра мало чем отличалась от дневной. Но Барбара, пробегая своей мыслью по знакомым ей и освещенным как днем коридорам, ведущим в секцию биологии, отметила, что персонала все же было поменьше. Так же мысленно она пересекла Центральную лабораторию, прошла по узкому коридору и остановилась перед дверью кабинета доктора Глоуджа.

Переступив порог, она замерла в темной, заполненной тишиной комнате. Затем прошла в библиотеку. Две-три минуты её мысль витала над солидным сейфом, стоявшим в углу. Она все поняла.

Сейф был пуст... и представлял собой ловушку.

Барбара мысленно перенеслась на пятый этаж

и поплыла к большой черной двери, на которой было написано: "Служба по контактам и научным исследованиям".

Снова остановилась...

В течение нескольких минут Барбара неспешно и скрупулезно зондировала своей мыслью стены кабинетов и личных апартаментов Джона Хэммонда. Что-то в них было необычным и, как представлялось, таило в себе очень большую опасность. В этой секции Центра всюду между стенками и дверьми, над потолками и под полами пульсировали, извиваясь подобно струе дыма из печной трубы, странные силовые поля.

Преодолеть этот барьер было невозможно.

Но это касалось Барбары во плоти, а её мысленное воплощение в определенной степени было способно на это...

Нужно было лишь избегать большой двери и потайного лифта, который вел непосредственно в квартиру Хэммонда. Защита этих участков, наиболее привлекательных для любого нежелательного лица, стремящегося проникнуть в секцию, была мощнейшей.

Она отодвинулась от этой массивной двери и застыла в ожидании, достаточно далеко от стены, которая воздвигалась между ней и основным ка-

бинетом. Понемногу стала возникать картинка...

Она очутилась в неизвестной ей доселе комнате, совершенно пустой и не представлявшей никакого интереса, за исключением закрытой двери, параллельной другой двери, выходившей в коридор.

Образ внутренней комнаты в мозгу Барбары внезапно померк. Вместо него она ощутила присутствие какой-то всепоглощающей, грозной, грубо повелевающей силы.

Обескураженная и напуганная, Барбара уже чувствовала воздействие этой силы, её готовность отбросить девушку назад, к смертоносному барьеру, окружавшему всю секцию. Поисковая мысль Барбары тут же прервала передачу по каналу зрительного восприятия и ради обретения стабильности покорно притихла.

И все же теперь Барбара точно знала, где находилась сыворотка: в большом сейфе квартиры Хэммонда, под мощной и, на первый взгляд, непреодолимой защитой.

Механизм дальнего восприятия стал крайне осторожно восстанавливаться. Выявилась другая часть секции, погруженная в туман враждебных энергополей. В ней находился мужской аналог Барбары. Он был жив.

Но совершенно беспомощен и ничего не осознавал. К тому же был заперт в мрачную клетку с энергетическими решетками, через которые с трудом удалось произвести лишь самую общую идентификацию. И все же Барбара была счастлива, что ему удалось спастись.

Через несколько минут она была абсолютно уверена в том, что в запертых апартаментах Хэммонда никого больше не было. Тогда она сняла поле визуального зондирования этого места и переключила его на главный офис. Появился расплывчатый образ женщины. Это была Хелен Венделл, которая, судя по всему, говорила в аппарат, связанный с лежащим перед ней прибором.

Вступил в действие новый уровень дальнего восприятия. Барбара услышала голоса говоривших.

Отчитывался Гэнин Арнольд, курьер из города Новая Бразилиа. Он находился в городском аэропорту в пятнадцати километрах к югу от Центра Альфа.

- Уже закрывают двери, - говорил курьер в микрофон, замаскированный под один из тех ингаляторов успокоительного действия, которыми в последнее время так часто пользовались многие пассажиры перед взлетом самолета. Если бы

кто-нибудь находился сейчас даже в нескольких сантиметрах от курьера, он бы ничего не услышал. Но из прибора на столе Хелен Венделл голос Арнольда звучал громко и отчетливо.

- Взлетаем через... (Арнольд посмотрел на ручные часы) две минуты тридцать секунд. До Парижа посадок не будет. Все пассажиры и члены экипажа, хотя бы по разу, прошли в зоне действия биоиндикатора, который ни разу не показал уровня выше стандартного среднеземного, то есть не достигал шести. Короче, мы оба, биолог и я, абсолютно уверены в том, что ни одна ненормально эволюционированная человеческая форма нас до Парижа не сопровождает. Доктор Глоудж ведет себя превосходно. Транквилизатор уже начал оказывать свое действие, и доктора явно клонит ко сну. Нет сомнений, что до самого Парижа он будет сладко спать.

Арнольд сделал паузу, видимо ожидая комментариев. Поскольку их не последовало, он продолжал:

- Очевидно, что после взлета поддерживать связь этим способом будет невозможно. Посему, учитывая, что в оставшееся время каких-либо неприятностей не предвидится, и если господин Хэммонд не возражает, я свое сообщение закан-

чиваю.

Мелодичный голос Хелен, исходивший, казалось, откуда-то слева от головы курьера, ответил:

- Господин Хэммонд предпочитает, чтобы вы оставались в режиме приема до самого взлета на тот случай, если нам придется дать вам другие инструкции.

12

В закрытой наглухо каморке последнего этажа здания, в нескольких километрах от Центра, женская фигура у окна внезапно вышла из состояния транса, в котором пребывала, стоя совершенно неподвижно несколько минут. Подняв голову, она обвела взглядом слабо подсвеченное городскими огнями небо. Ее рука поднялась и дотронулась до толстого стекла. Оно расплавилось, как лед под воздействием высокой температуры.

Ворвавшийся в помещение холодный ветер взвихрил пыль.

Барбара немного выждала, потом подошла к провалу, зияющему на месте окна.

Ее взгляд был направлен на запад. Она вслушивалась. Все многоголосье города теперь отчетливо звучало в ней. Каждые тридцать секунд раздавался покрывавший все шумы города грохот.

Это вертикально взлетали, набирали скорость и со свистом устремлялись в ночь реактивные самолеты. Барбара быстро повернула голову и проанализировала меняющуюся структуру этого звука. Она медленно развернулась к северу, следя за перемещавшейся вдали точкой. От напряженного внимания её глаза прищурились.

Между тем в самолете, взявшем несколько минут назад курс на Париж, с доктором Глоуджем происходили странные вещи. Поклевывая носом, он с удовлетворением думал о предстоящей новой работе над парижским проектом, которым руководил Хьюберт Роланд. Неожиданно он почувствовал, что какая-то часть его мозга проснулась.

Внезапно забеспокоившись, он осмотрелся. В первую очередь Глоудж взглянул на сидящего рядом соседа.

Это был дородный, налитый силой мужчина. Он напоминал частного детектива, и Глоудж точно знал, что это был его телохранитель. Но странным было то, что этот человек сидел в своем кресле совершенно безвольно, опустив голову на грудь и закрыв глаза, - все признаки воздействия транквилизатора.

"Чего это он заснул?" - мысленно спросил себя

Глоудж, глубоко убежденный в том, что это он, а не его телохранитель должен был находиться в состоянии сна. Доктор отчетливо вспомнил совершенно незнакомый ему прибор, с помощью которого эта Венделл заполнила его голову целым комплектом убедительных иллюзий. Он по доброй воле поднялся на борт лайнера и по настоянию своего ангела-хранителя в достаточной степени надышался успокоительным газом из респиратора, вмонтированного в его кресло, чтобы беспробудно спать до самого Парижа.

И тем не менее спустя всего несколько минут после взлета он уже бодрствовал. Те внушения, которыми его пичкали в течение всего дня, стали рассеиваться.

Эти факты явно противоречили друг другу и должны были иметь какое-то логическое объяснение.

Внезапно Глоудж совсем перестал думать. У него создалось впечатление, что в какой-то миг в голове просто образовался вакуум. Затем его охватил сводящий с ума ужас.

- Да, доктор Глоудж, - произнес кто-то рядом, - действительно всему ЕСТЬ объяснение!

Медленно, нехотя, но совершенно не в силах побороть направляющий его действия импульс,

он обернулся.

Кто-то сидел сзади.

Сначала он подумал, что речь идет о совершенно незнакомом ему человеке. Но тут сидевшая за ним женщина открыла глаза. Их взгляды встретились. Даже в приглушенном свете салона лайнера её взор отсвечивал демоническим огнем.

Женщина заговорила, и он узнал голос Барбары Эллингтон.

- У нас с вами возникла общая проблема, доктор Глоудж. Есть основания полагать, что на этой планете орудует группа космических пришельцев. Мне ещё неясны мотивы их присутствия. Поэтому наша ближайшая задача прояснить их.

- Вы ГДЕ находитесь? - сухо осведомилась Хелен Венделл.

Она повернула рычажок, и справа от неё засветился небольшой экран.

- Джон! Быстро!

Находившийся у себя в апартаментах Джон Хэммонд обернулся и бросил взгляд на оживший позади него экран. Спустя пару секунд он уже слушал хриплые, рубленые фразы, раздававшиеся в лежавших слева от Хэммонда наушниках.

- Где он? - спросил Хэммонд у Хелен. Ее лицо на экране было бледным и напряженным.

- На аэродроме в Де Муан! Парижский лайнер сделал вынужденную посадку из-за технических неполадок. Никто толком не знает, что это были за неполадки и почему потребовалось их срочно устранять. Но всех пассажиров высадили и перевели в другой самолет. Арнольд в полном душевном смятении. Послушайте-ка его!

- ...с ним была женщина, - раздался невнятный голос курьера. - Я сначала подумал, что это пассажирка, поднявшаяся в самолет перед вылетом. Сейчас я в этом уже не уверен. Но я был не в состоянии даже шевельнуть пальцем и смотрел, как они удалялись вдвоем и покинули аэропорт. Ни на секунду я не подумал ни о том, почему эта женщина оказалась с Глоуджем, ни о том, чтобы их остановить, ни даже о том, чтобы разузнать, куда это они направились...

Хэммонд повернул регулятор, и звук стал тише.

- Когда приземлился лайнер? - спросил он у Хелен Венделл.

- Должно быть, уже более получаса тому назад, как сказал Арнольд! Он заявил, что только сейчас подумал о том, чтобы нас предупредить.

- ЦЕЛЫХ ПОЛЧАСА! - Хэммонд рывком вскочил на ноги. - Хелен, бросайте все дела! Мне нужен

наблюдатель на внеземной орбите, и обеспечьте это, если сможете, в течение ближайших минут.

Она посмотрела на него с удивлением:

- Каких действий вы ожидаете?

- Понятия не имею.

Она поколебалась, затем заговорила вновь:

- Охранители...

- Все, что возможно предпринять здесь, я в состоянии сделать сам и ни в ком ради этого не нуждаюсь. Защитные экраны с северной стороны будут отключены ровно на сорок секунд. А теперь уходите... - он отключил связь и повернул один из рычажков под своим столом.

Сидя в основном офисе, Хелен Венделл какое-то время смотрела на погасший экран. Наконец она вскочила, подбежала к двери и устремилась в холл.

Чуть позже Джон Хэммонд вошел в комнату, где в своей энергетической клетке лежал Винсент Стрезер. Хэммонд, подойдя к стене, снизил мощность защитного экрана наполовину.

Тот посветлел и превратился в почти неразличимую дымку. Хэммонд внимательно всмотрелся в силуэт человека, лежавшего на койке.

- Произошли ли другие изменения внутренних органов? - спросил он громким голосом.

- За последние два часа нет, - ответила медицинская машина.

- Эта форма жизнеспособна?

- Да.

- Проснется ли он, если я нейтрализую экран полностью?

- Да, немедленно.

Подумав, Хэммонд задал ещё один вопрос:

- Просчитан ли эффект в случае введения четвертой инъекции?

- Да, - ответила скрытая в стене машина.

- Коротко сформулируйте, что именно произойдет.

- Серьезная перестройка пойдет ещё быстрее. Направление эволюционного толчка останется прежним, но его амплитуда намного расширится. Окончательная стабилизация формы произойдет через двадцать минут. И она все ещё будет жизнеспособна.

Хэммонд передвинул рычажок в положение максимального режима. Энергетический экран затянулся дымкой, потеряв прозрачность.

Было ещё слишком рано принимать решение о четвертой инъекции. Может быть, вообще удастся обойтись без этой крайней меры.

В десять с половиной часов раздался сигнал с экрана дальней связи. Взглянув на пульт управления, Хэммонд одним движением нажал сразу на кнопки приема и блокировки своего изображения на тот случай, если вызывавший пользовался видеотелефоном.

- Слушаю, - произнес он.

Экран оставался темным, но из приемника раздался вздох облегчения.

- ГОСПОДИН ХЭММОНД! - Голос гнусавил и дребезжал, но, несомненно, принадлежал доктору Глоуджу.

В одном из приборов на столе Хэммонда раздались два металлических щелчка, означавших, что к разговору подключилась Хелен, которая записывала его с борта космического корабля, курсировавшего вдали от Земли.

- Где вы находитесь, доктор Глоудж?

- Господин Хэммонд... это ужасно... эта тварь... Барбара Эллингтон...

- Она заставила вас покинуть самолет. Я знаю. Где вы сейчас?

- Я у себя дома, в Пенсильвании.

- Она вас сопровождала туда?

- Да. И я ничего не мог поделать, чтобы помешать ей.

- Конечно. Она ушла?

- Не знаю, где она сейчас. Я рискую, звоня вам. Было кое-что такое, о чем я совсем позабыл, господин Хэммонд, но она, она была в курсе. Я...

- Имелся ли запас сыворотки "Омега" в лаборатории на вашей ферме?

- Я и думать о нем забыл. Это был один из первых экспериментальных образцов. Сыворотка содержит примеси, которые вызывают опасные и чудовищные отклонения в развитии. Я полагал, что все её запасы уничтожены. Но эта тварь знала обо всем больше, чем я сам! Она привезла меня сюда и заставила отдать ей всю оставшуюся сыворотку, которой было совсем немного...

- Но достаточно для четвертой дозы?

- Да, да, вполне.

- И она её себе ввела?

Доктор Глоудж, поколебавшись, ответил:

- Да. Тем не менее есть надежда, что вместо того, чтобы подстегнуть эволюционный процесс у этого существа, которое я теперь рассматриваю как монстра, эта несовершенная сыворотка не позволит ей подняться на следующий уровень развития, а, наоборот, быстро её уничтожит.

- Вполне возможно. Но с самого или почти с самого начала эксперимента по эволюционному

стимулированию Барбара Эллингтон действовала с пониманием тех возможностей, которые перед ней открывались. И я с трудом верю в то, что теперь-то она совершит ошибку.

- Я... - голос Глоуджа сломался. - Господин Хэммонд, я вполне отдаю себе отчет в гнусности того, что я сделал. Если я в той или иной степени могу способствовать предотвращению самых пагубных последствий моих действий, вы можете рассчитывать на полное сотрудничество с моей стороны. Я...

Раздался щелчок, означавший, что разговор прерван. Последовала пауза и после неё шепот Хелен:

- Не считаете ли вы, что Барбара сознательно дала ему возможность позвонить вам, а затем прекратила разговор?

- Это очевидно.

Хелен воздержалась от каких-либо комментариев. Хэммонд тихо произнес:

- Я думаю, она хочет предупредить нас о своем предстоящем визите.

- Полагаю, что она уже пришла, Джон. Всего хорошего.

14

Хэммонд посмотрел на пульт управления.

Стрелки приборов безумно метались из стороны в сторону. Он отметил также и ещё одно, совершенно непредвиденное обстоятельство: появление поля отрицательной энергии, нейтрализовавшего его защитное энергетическое поле.

- Хелен... Эта женщина частично вне нашей досягаемости. То, что вы сейчас видите, - это наше силовое поле, которое пытается устоять перед антиполем. Я слышал о существовании подобного феномена, но никогда с ним не сталкивался.

Хелен Венделл ничего не ответила, продолжая пристально наблюдать за контрольным пультом управления на далеком космическом корабле, где она в настоящее время находилась. От разбушевавшейся электронной бури взбесились все индикаторы, показывая, что поле, защищавшее кабинет и апартаменты Хэммонда, подвергалось воздействию другого поля с быстро меняющейся частотой. Вскоре потенциал защитного барьера упал до критического уровня.

Противостояние длилось больше минуты. Приборы показывали невероятные нагрузки.

- Джон Хэммонд, - тихо произнес стол. Хэммонд подскочил от неожиданности и отступил.

- Джон Хэммонд, - прошептало соседнее кресло.

- Джон Хэммонд! Джон Хэммонд! Джон Хэм-

монд! Джон Хэммонд!

Его имя звучало из всех углов комнаты, окружая, обволакивая его. Занимая ответственный пост, он знал, что означает эта вихревая атака, и понимал связанные с нею опасные последствия. Вероятность такого поворота событий никогда не рассматривалась. Тем не менее ОНИ учитывали подобную возможность. И Хэммонд располагал необходимыми средствами, чтобы достойно встретить возникшую новую ситуацию.

Его взгляд лихорадочно метался по кабинету в поисках специального прибора, который он разместил где-то среди других. Был момент, когда он, не находя его, чуть не запаниковал. Оказалось, однако, что он у него в руке. Большим пальцем он быстро провел по его поверхности, нащупал нужный выступ и привел его в действие. После этого Хэммонд положил прибор на стол.

Возник скрежещущий звук. Это был не только звук, но вибрация, взвинчивающая нервы до предела. Голоса-фантомы тут же сникли до шепота. Далекий и тонкий голос Хелен Венделл вонзился в ухо Хэммонда словно игла.

- Контрольный экран! Она уходит! - с надеждой вскричала Хелен.

- Вы уверены в этом?

- Не совсем, - в голосе Хелен послышалась обеспокоенность. - Что видно на ВАШЕМ экране?

- Пока только субъективные помехи. Но они постепенно исчезают.

- Что все-таки произошло?

- Думаю, что она прозондировала нас и пришла к выводу, что сможет одержать легкую победу. Посему она, должно быть, получила самый большой сюрприз в своей короткой жизни сверхженщины предгалактического уровня. Она не поняла, что мы являемся представителями Великих.

- Она пострадала?

- О! На это я не претендую! Она слишком многое узнала. Но... детали я вам сообщу позднее.

Хэммонд прищурился при взгляде на контрольный экран и бросился к двери в соседнюю комнату.

- Сделать последнюю инъекцию, - приказал он, войдя в это помещение.

- Четвертая и последняя в этой серии инъекция сыворотки "Омега" будет сделана этому существу, - отметила машина.

- Немедленно!

- Немедленно.

Вернувшись в кабинет, Хэммонд вновь услышал голос Хелен:

- Временами поток антиэнергии доходит по напряженности до индекса девяносто шесть. Это всего лишь на четыре пункта ниже теоретического предела. Удалось ли ей сравняться с вашим энергетическим уровнем?

- Почти. Она применила прием с псевдогипнозом высочайшего потенциала, но у неё ничего не вышло. И все же она вернется. У меня в руках находится нечто такое, чего она упорно добивается.

Ожил экран телефона. Включив аппарат, Хэммонд услышал голос доктора Глоуджа.

- Нас недавно прервали, господин Хэммонд. - Биолог говорил спокойно и уверенно.

- Что случилось? - устало спросил Хэммонд.

- Господин Хэммонд! В конце концов я все-таки проанализировал истинную природу эволюции. Получается, что Вселенная - это иерархия различных уровней. И ей нужна свободная энергия на всех ступенях. Поэтому те, кто находятся на более высоких уровнях, прямо не вмешиваются в дела нижестоящих. Но по этой же причине если в распоряжении последних оказываются могущественные силы, то вышестоящие полагают, что это их прямо касается.

- Барбара! - спокойно парировал Хэммонд. -

Барбара, если вы мне звоните, чтобы выяснить, впущу ли я вас к себе, то я отвечу утвердительно.

Воцарилось молчание, затем последовал щелчок, означавший конец связи. Буквально в то же мгновение почти незаметно качнулась стрелка одного из приборов.

- Что у вас там происходит? - запросила Хелен сдавленным голосом.

- Сейчас с моего разрешения она пройдет сквозь экраны.

- Не думаете ли вы, что это какая-то уловка с её стороны?

- В некотором смысле да. Не знаю, по каким причинам, но она не захотела дойти до крайнего теоретического предела на шкале эволюции, установленного Глоуджем, до точки, отстоящей от нас на миллион лет. Возможно, это случится чуть позже.

- И тем не менее вы её впускаете к себе?

- Конечно.

Хелен замолчала.

Беззвучно протекла минута. Хэммонд немного отошел от пульта управления, встал лицом к двери и стал терпеливо ждать.

В уголке экрана засветился красный огонек. Что-то постороннее вошло в основной кабинет.

Гнетущая тишина длилась ещё несколько секунд. Затем в коридоре послышались звонкие шаги.

Хэммонд не смог бы ответить, чего точно он ожидал... но только не банального перестука каблучков-шпилек женских туфелек.

Она возникла в дверном проеме личного кабинета Хэммонда и остановилась, глядя на него. Хэммонд молчал. Внешне эта женщина была Барбарой Эллингтон, которая ещё накануне сидела в кресле в кабинете у Глоуджа. В ней ничего не изменилось - ни в поведении, ни в одежде. Даже сумочка, которую она держала в руках, казалась той же самой. Если абстрагироваться от бьющей из неё через край энергии, живости осанки, остроты умных глаз, накладывавших на весь её облик свой отпечаток, то это была та же самая девушка, худощавая, неуклюжая, неуверенная в себе, которая работала во внешнем бюро менее двух недель тому назад.

"Значит, это фантом, - подумал Хэммонд. - Но пусть она не заблуждается: сейчас я надежно защищен от любых её попыток манипулировать моими мыслями. И этот защитный экран исчезнет только в том случае, если умру я сам". Стоящий в дверях человеческий силуэт был ре-

альностью. Это фиксировали приборы. И тем не менее это была всего лишь форма, специально созданная ради этой встречи. Она не была той новой Барбарой, в которую превратилась прежняя.

Хэммонд точно не знал, зачем она приняла этот облик. Может быть, в надежде усыпить его бдительность?

Она шагнула вперед с легкой улыбкой на губах и огляделась вокруг. Вот тогда-то Хэммонд понял, что не ошибся. Вместе с ней в комнату проскользнуло что-то еще... Нечто подавляющее вас, от чего по спине пробегает дрожь. Но одновременно это нечто вызывало чувство теплоты и мощи.

Она взглянула на Хэммонда голубыми глазами, в которых скакал бесенок любопытства, и приветливо улыбнулась.

- Хочу разобраться, почему вы все ещё здесь, - беззаботно произнесла она. - Защищайтесь!

Все произошло беззвучно. Но между ними проскочила ослепительно белая паутина огней, обволокла обоих, затем стихла, снова запылала - и опять исчезла. Они стояли неподвижно и следили друг за другом. В комнате ничего не изменилось.

- Прекрасно! - сказала женщина. - Окружающая вас тайна начинает проясняться. В настоящее

время я знаю, к какому виду живых существ вы относитесь, Джон Хэммонд. ВАША наука никогда не смогла бы подчинить себе те энергии, которые сейчас оберегают ваши тело и разум. Таким образом, в чрезвычайных ситуациях вам, видимо, разрешено пользоваться средствами, которые изобретены другими, превосходящими вас существами, суть которых вы не можете постигнуть. И где же могут быть размещены подобные средства сейчас?... Думаю, что здесь.

Она повернулась и в три шага достигла двери соседней комнаты. Остановилась. Тут же перед этой дверью и стеной заклубился розоватый с блестками туман, застелился по полу.

- Да, - возобновила она свой монолог. - Все из одного источника! И здесь...

Она опять повернулась и, широко ступая, подошла к пульту управления на столе, который мгновенно обволок тот же розовый туман.

- Таким образом, вот те три точки, которые вы должны считать жизненно важными! - промолвила она, покачав головой. - Вы сами, существо в соседней комнате и пульт управления секцией. Ради их сохранения вы готовы раскрыть секрет, о котором иначе бы умолчали. Думаю, самое время нам обменяться информацией.

Она двинулась к Хэммонду и остановилась перед ним.

- Я нечаянно обнаружила, что вы, Джон Хэммонд, не являетесь уроженцем Земли. По уровню развития вы выше землян, однако не настолько, чтобы объяснить им, почему вы здесь находитесь. В этом мире у вас действует организация. Весьма, кстати, любопытная. Она вроде бы не имеет своей целью ни завоевать Землю, ни эксплуатировать ее... Но не будем об этом. Не пытайтесь мне объяснять. Это не имеет никакого значения. Вы сейчас освободите существо мужского пола, которое должно получить те же самые инъекции сыворотки, что и я. Затем вы и представители вашего биологического вида быстренько покинете эту планету. Вы нам больше не нужны.

Хэммонд покачал головой.

- Вполне возможно, что мы будем вынуждены эвакуировать отсюда нашу экспедицию, - ответил он. - Но тем самым Земля превратится в большую угрозу. Мы представляем здесь Великих Галактиан, у которых на службе находится немало зависимых видов живых существ, ведущих в их интересах военные операции. Не вижу никакой выгоды для Земли, если кто-нибудь из них оккупирует её или введет карантин для того, чтобы

"посеянный" здесь вид находился под постоянным наблюдением.

- Мне абсолютно безразлично, Джон Хэммонд, пошлют ли Великие Галактиане свои корабли на Землю или явятся сюда сами. В обоих случаях для них это было бы проявлением большой неосторожности. Через несколько часов в нашем распоряжении будет находиться в неограниченном количестве сыворотка "Омега". Через несколько дней каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок на Земле пройдет до конца цикл своей эволюции. Неужели вы думаете, что это совершенно новое человечество можно будет поставить под чье-то наблюдение?

- Сыворотка "Омега" никогда больше применяться не будет. И я вам покажу почему...

Хэммонд повернулся и направился к пульту управления. Розовый туман расступился перед ним и снова замкнулся за его спиной. Он исчез совсем, как только Хэммонд опустил один из рычажков. И тогда Хэммонд отступил назад.

- Я выключил энергетические поля, мешавшие вам войти в эту комнату, заявил он. - Идите и убедитесь сами в справедливости моих слов. Барьера больше не существует.

Лицо Барбары напоминало застывшую маску,

на которой полыхал лишь голубой костер её глаз. Хэммонд подумал, что она уже знает, что сейчас увидит. Тем не менее она шагнула к двери. Хэммонд также подошел, чтобы заглянуть через её плечо.

Клетка с решетками из энергополей, скрывавшая кровать, исчезла. Лежащая на кровати фигура приподнялась, ошеломленно покачала головой, кувыркнулась и опустилась на четвереньки.

Огромные, полные муки глаза на секунду задержались на лицах Хэммонда и Барбары. Затем существо встало во весь свой рост...

Да, да, во весь свой рост - целых пятьдесят пять сантиметров! Оно покачнулось, еле удерживаясь нетвердыми ногами на своей лежанке, маленькое волосатое существо с несоразмерной шаровидной головой с прорезью большого рта.

Оно моргнуло, что-то смутно припоминая, открыло рот и тонким голоском проблеяло:

- Бар-ба-ра!

15

Женщина резко развернулась, отведя глаза от этого ничтожного и потешного силуэта, но легкая улыбка тронула её губы, когда она посмотрела на Хэммонда.

- Очень хорошо, - произнесла она. - Тем самым порвалась моя последняя связь с Землей. Принимаю то, что вы мне сказали. Полагаю, что сыворотка "Омега" - единственное в своем роде изобретение, неизвестное в других частях Галактики.

- Это не совсем так, - отозвался Хэммонд.

Она указала подбородком на соседнюю комнату.

- Может, вы объясните, почему в этом случае все пошло наперекосяк?

И Хэммонд поведал ей содержание теории Глоуджа, согласно которой ускорение эволюции - это палка о двух концах. На нынешнем этапе эволюции человека перед ним открыто множество векторов его возможного развития. Судя по всему, сыворотка стимулирует только один из них, и в дальнейшем естественные силы доводят до логического конца только одну эту линию.

Излагая эти мысли, он неотступно наблюдал за ней, напряженно думая: "Проблема-то не решена. Как мы освободимся от НЕЕ?"

Он ощущал присутствие почти невероятной мощи, реальной и устойчивой силы, исходящей от неё в виде постоянного потока энергии.

Весь в напряжении, он продолжал:

- Когда Великие Галактиане "осеменяют" жизнью новую планету, они никогда не трогают базовые характеристики различных местных жителей. Они внедряют селекционированные группы своих собственных генов в тысячи мужчин и женщин на всех континентах. По мере того как поколения сменяют друг друга, этот генофонд смешивается в случайном порядке с генофондом местных жителей. Сыворотка "Омега", вероятно, стимулирует одну из этих генетических смесей и доводит до предела её эволюционный потенциал. Обычно это заводит в тупик из-за действия "фактора сингулярности".

- "Фактора сингулярности"... - это было сказано с вопросительной интонацией.

- Человек, - объяснил Хэммонд, - явился результатом слияния двух существ различного пола. Каждый из людей нес в себе лишь частички всего генофонда человечества. Со временем все эти гены перемешивались, вступали между собой в различные комбинации. И вид прогрессирует именно потому, что составлялись эти миллиарды случайных комбинаций. В случае с Вэнсом одна из таких комбинаций была активизирована и доведена в своем развитии до финальной точки в результате повторного воздействия сыворотки

"Омега". Но у этого набора генов, естественно, имелся ограниченный спектр возможностей развития, подобно тому, как это обязательно случилось бы в том случае, когда лицо, так сказать, совокуплялось бы с самим собой. Именно в этом и заключается "фактор сингулярности". Это и произошло с Вэнсом, а также и с вами. Вы оба оказались результатом эксперимента по самому фантастическому из когда-либо предпринимавшихся опытов одноканальной передачи эстафеты жизни. Это что-то вроде кровосмесительства, ведущего к полной, необычайно увлекательной и чудовищной стерилизации...

- Вы ошибаетесь, - тихо произнесла псевдоженщина. - Я же не монстр. Все, что произошло здесь, ещё более невероятно, чем я думала. Во мне оказался стимулированным запас имевшихся у меня галактических генов. Теперь я знаю, кем был этот "НЕКТО", с которым я вступила в контакт в Космосе. Это был один из Галактиан. Он дал мне возможность добраться до него. Он все сразу же понял... Джон Хэммонд, ещё один вопрос. "Омега" - это необычный термин. Что он означает?

- Когда человек растворяется в самом предельном - это и есть Точка Омега.

Произнося эти слова, Хэммонд почувствовал,

как она стала удаляться от него. Или же это он удалялся от нее? И не только от неё - от всего. Он плыл, но не в пространственном значении этого слова, а как-то странно, будто отрываясь от действительности самой Вселенной. Он ещё успел подумать, что это, должно быть, необычный и вызывающий беспокойство феномен, но эта мысль тут же угасла.

- Сейчас что-то происходит, - прозвучал женский голос. - Эволюционный процесс у существа по ту сторону двери закончился на свой лад. У меня ещё нет... состоялся пока не полностью. Но сейчас он подходит к своему концу.

Он был нигде и он был ничем. Внезапно возникли новые словесные и мыслительные впечатления. Словно шуршащий дождь, который целиком поглотил его.

Позднее они обрели конкретную форму. Он почувствовал, что стоит в небольшой, примыкавшей к его кабинету комнате и смотрит на худого рыжего молодого человека, который, сидя на краю кровати и держась руками за голову, раскачивался из стороны в сторону.

Хэммонд спросил:

- Ну как, Вэнс? Вы пришли в себя?

Вэнс Стрезер нерешительно взглянул на него и

дотронулся до разорванного рукава пиджака.

- Кажется, да, господин Хэммонд, - прошептал он. - Я... Что со мной произошло?

- Вы поехали прокатиться на машине с некоей Барбарой Эллингтон. Оба выпили лишнего. За рулем была она и вела машину... слишком быстро. Та сорвалась с шоссе и несколько раз перевернулась. Люди, присутствовавшие при этом, сумели вытащить вас из-под обломков буквально перед тем, как машина загорелась. Девушка была мертва, и они даже не пытались спасти её тело. Когда полиция сообщила мне о происшествии, я попросил доставить вас в Центр Альфа.

Рассказывая эту историю юноше, Хэммонд с удивлением обнаружил, что так было и на самом деле и что каждое его слово было сущей правдой. В тот вечер действительно произошла автомобильная катастрофа и именно так, как он описал её.

- Неужто... - вздохнул, не закончив фразу, Вэнс. Он дернул головой, потом заметил: - Барбара была странной девушкой. Настоящая фурия! Одно время я к ней сильно привязался, господин Хэммонд, но в последние дни я стремился порвать с ней.

У Хэммонда, однако, было впечатление, что произошло и немало других событий. Машиналь-

но он повернул голову в сторону своего кабинета, заслышав стрекотание телефона.

- Извините, - бросил он Вэнсу.

Опустив рычажок, он увидел на засветившемся экране лицо Хелен Венделл. Та коротко улыбнулась ему и поинтересовалась:

- Как поживает Стрезер?

Хэммонд ответил не сразу. Он вгляделся в Хелен, и его волосы встали дыбом. Она была не на космическом корабле, курсирующем вдалеке от Земли, как это должно было бы быть, а преспокойно сидела за своим столом.

- С ним все в полном порядке, - услышал он свой голос как бы со стороны. - Эмоциональный шок был не очень глубоким... А как у вас?

- Смерть Барбары потрясла меня, - призналась Хелен. - Но вам звонит доктор Глоудж и настойчиво просит дать возможность поговорить с вами.

- Хорошо. Переключите его на мою линию.

- Господин Хэммонд, - раздался спустя несколько мгновений голос Глоуджа. - Звоню вам по поводу проекта "Стимуляция. Точка Омега". Я только что перечитал свои заметки и ещё раз просмотрел отчеты о лабораторных испытаниях. И я убедился, что, когда вы отдадите себе отчет в том, какие многочисленные опасные последствия

может иметь опубликование реультатов моего эксперимента, вы сами согласитесь прекратить работы над этим проектом, а также немедленно уничтожить все касающиеся его документы.

Повесив трубку, Хэммонд на некоторое время замер в молчании.

Итак, и эта часть проблемы была урегулирована! Последние следы существования сыворотки "Омега" вот-вот сотрутся. Вскоре о ней вообще будет помнить он один.

И надолго ли? Несомненно, не более двух-трех часов. Осевшие в его памяти образы уже поблекли и частично стерлись. А то, что осталось, было каким-то смутным и неопределенным... этакая тонюсенькая ниточка мысли, которая колышется на ветру, но непременно вскоре порвется под его порывами.

Хэммонд не возражал против подобного поворота событий. Он лицом к лицу столкнулся с Великим Галактианином, а это не идет на пользу существу, стоящему на более низкой ступени развития.

И все же как тяжело было убедиться в своем полном ничтожестве!

Он, наверное, задремал, так как, очнувшись, вздрогнул. Без видимых на то причин он чувство-

вал себя слегка дезориентированным.

В кабинет с улыбкой вошла Хелен:

- Не кажется ли вам, что пора уходить домой? Вы опять начали засиживаться на работе.

- Да, вы правы, - ответил Хэммонд.

Он поднялся и прошел в соседнюю комнату сказать Вэнсу, что тот может отправляться к себе домой.